

В. ПИРОЖКОВА

Трагическая годовщина

В этом году исполняется 100 лет со дня рождения Ленина. Почти странно думать, например, о том, что он был только на 7 лет старше такого нашего современника как Аденауэр. И Ленин мог бы быть еще нашим современником. А, между тем, не только самые молодые из нас, но и люди среднего возраста не помнят его по собственному опыту, и для них он — нечто давно прошедшее, — легенда, миф, разукрашенный своеобразными коммунистическими писаниями «жития святых» и увековеченный в «атеистических мощах» под кремлевской стеной.

В короткой передовой невозможно осветить все стороны этой личности, сыгравшей такую роковую роль в истории России. Поэтому в этом же номере печатается глава из книги Рауха с характеристикой Ленина и глава из готовящейся к печати книги Авторханова о политической деятельности Ленина в решающий момент между двумя революциями. Здесь мы постараемся наметить только несколько основных линий.

Аденауэр вписал свое имя в историю уже после того, как ему исполнилось 70 лет. Ленин изжил себя духовно и физически к 53 годам. Он умер через 6 лет после победы той революции, к которой он стремился и которую он делал со всей страстью своей волевой натуры. Вряд ли эта ранняя смерть случайность, скорее это симптом: после совершения революции Ленину больше нечего было делать на этом свете. Он был профессиональным революционером, а не государственным деятелем, по преимуществу разрушителем, а не созидателем. Поэтому, как указывает Раух, Ленин не умел учитывать фактора времени: он рассчитывал установить социализм в России чуть ли не через полгода после революции. Если и правы те наблюдатели, которые усматривали у Ленина мужицкие черты, то это верно лишь в том смысле, что Ленин был наделен лукавой хитрецой, наблюдающейся иногда у мужика, но во всем остальном Ленин был скорее типичным односторонним интеллигентом, давно оторвавшимся от земли, от природы, от интуиции жизни и того, как с ней следует обращаться. У крестьянина, находящегося в постоянном общении с живой природой, вырабатывается терпение, интуитивное понимание, что в жизни все имеет свое определенное время, каждый плод в прямом и переносном смысле этого слова должен постепенно расти и зреть, чтобы стать готовым для сбора. Оборвать зеленые плоды можно, но ничего хорошего из этого не выйдет. У многих крестьян с годами вырабатывается та спокойная, терпеливая жизненная мудрость, то «широкое дыхание», которое роднит их со спокойной, неторопливой мудростью, заложенной в природе, и открывающейся тому, кто умеет наблюдать. В Ленине не было ничего от этой природной мудрости. Отношение Ленина к жизни было не органическим, а механическим. Ему казалось, что жизнью, людьми и историей можно так же произвольно манипулировать, как и элементами неорганической материи.

Не было в Ленине и мудрости философа, сумевшего бы оторваться от поверхностной горячки жизни и заглянуть в глубины бытия. Все его философские произведения на

самом деле лишь партийная полемика, злые выпады и брань по отношению к инакомыслящим. Глубины в них нет. Революционер и партийный политик по преимуществу, Ленин инстинктивно чувствовал, что он свою в высшей степени гибкую и изворотливую тактику мог проводить только на фундаменте твердой и неподвижной идеологии. Ленин обрушивал свою ярость не столь на философов — не марксистов, как на «еретиков» в своих собственных рядах. В каждом толковании марксизма, отличном от его собственного, в каждом отклонении от раз установленных доктрин, Ленин не без основания усматривал «расползание» того цементного фундамента, на котором он строил свою политику. Для ее успеха нужны были два элемента: 1) слепая вера в философские основы, раз и навсегда данные Марксом и Энгельсом и подтвержденные самим Лениным, равно как и вера в лучшее, утопическое будущее, которое якобы можно «научно» предсказать с помощью этих основ, и 2) изворотливость в практической политике, использование всех средств при полном отсутствии брезгливости. Первое без второго привело бы к окостенению и самой политической акции. Второе без первого вылилось бы в уж очень мелкое и циничное политиканство, которое мало кого смогло бы надолго увлечь. Цинизм практической политики прикрывался и оправдывался псевдонаучным мировоззрением и утопическим идеалом будущего, причем это не нужно понимать только как тактику. По-своему Ленин сам слепо верил в марксизм, если он им иногда и манипулировал в политических целях, то без сознательного желания его исказить.

Все три названные выше элемента выражают узость мышления и чувства. Они далеки не только от истинной философии, но и от настоящей науки с ее аналитической вдумчивостью. Но на практике они дают колоссальную пробивную силу, не ограниченную и не смущаемую ни аналитическим скепсисом научного мышления, ни сомнениями и неизбежным налетом меланхолии более глубоких душ в отношении людей, их общества, их будущего и своих собственных сил и возможностей, ни голосом совести.

Если Ленин был типичным средним интеллигентом в смысле его оторванности от органического восприятия жизни и истории, то он радикально отличался от большинства русских интеллигентов в вопросе отношения к власти. У русской интеллигенции раньше и глубже, чем у интеллигенции других стран, было нарушено здоровое отношение к власти. Мы имеем в виду не какой-нибудь специальный род власти, но власть как таковую. Русский интеллигент считал всякую власть порочной по самому ее существу. По своему внутреннему влечению русский интеллигент был склонен к безвластию и анархии. Нервическая щепетильность, делавшая ему отвратительной всякую мысль о необходимости какой-либо строгости для поддержания порядка, усиливала в нем склонность верить в утопию прекрасного народа, который сам найдет правильный путь, если только избавить его от всяких «пут» власти. Теоретически и Ленин отдал дань этой уто-

пии (см. «Государство и революция»), но практически он был сделан из совсем другого теста.

Русские интеллигенты в глубине души всегда стыдились власти. Они не могли понять, что тотальное безвластие так же пагубно, как и тотальная власть. То и другое, собственно говоря, только две стороны одной и той же медали. Они не могли также понять, что расшатывая всячески монархию и работая на свержение существующей власти, они по сути дела готовили переход власти в свои собственные руки. Они не готовились к принятию власти, и когда она после февральской революции свалилась им в руки, они растерялись и не сумели с ней обращаться. Они не поняли, что фактически выпуская из рук власть, они предавали тот же самый народ, которому хотели служить. У них не было достаточного чувства ответственности.

Ленин был прав, когда говорил, что власть тогда лежала на земле, и каждый мог нагнуться и поднять ее. Но, кроме него, не нашлось никого, у кого хватило бы на это решимости. Ленин не колебался и не стеснялся власти, напротив, он ее жадно жаждал. Он яростно полемизировал с теми из своих сторонников, которые считали, что Россия должна сначала пойти по пути капитализма и демократии. Инстинктом политика и революционера он чувствовал, что захватить полную диктаторскую власть он может только сейчас, в период разрухи, сомнений, неопределенности. Если бы положение в России консолидировалось, то надежд на захват власти у Ленина бы больше не было. «Великая Октябрьская революция» не была народной революцией: это был захват власти группой заговорщиков, профессиональных революционеров в момент

русского распутия. И все же в другом смысле это была революция, огромный перелом, но революция не снизу, а сверху, революция навязанная народу жестоким террором. Ленин не колебался взять власть и цинично использовать ее до конца, но правильно обращаться с властью не умел и он. Неприкрытый террор — это еще худшая безответственность в обращении с властью, чем ее неиспользование.

Вряд ли можно согласиться с тем, что ленинская революция освободила и мобилизовала народные силы. Все, что сделано в России за эти годы, сделано народом вопреки все больше и больше стагнирующей власти, а не вследствие ее. Но верно одно: этот взрыв механизированного и рационализированного варварства оказался в 20 столетии характерным не для одной России. Не только Бурхард и Ницше, но и Константин Леонтьев предсказывал возникновение жестоких диктатур и нового варварства в 20 столетии. Мы не должны себя обманывать: эта угроза висит над нами по-прежнему. Преодолеть ее мы, люди 20 столетия, сможем не возвращением к прекрасному, но слишком расплывчатому, поверхностно-оптимистическому и по существу почти безрелигиозному гуманизму 19 столетия. Этот гуманизм, который многие все еще пытаются противопоставить натиску нового варварства, не устоит перед ним. Духовно преодолеть это варварство может только внутренне собранная, реалистическая новая человечность, вышедшая из глубин великих потрясений и очищенная в горниле всех семи кругов ада; человечность, не забывающая своей связи с Тем, Кто ее создал. Она теперь в тяжелых муках возникает в России. Там, где начался «ленинский эксперимент», там же он и будет преодолен.

П. Б. СТРУВЕ

Понятие и проблема социальной политики

Знаменательно, что в тот же год, когда родился Ленин, родился другой русский мыслитель и политик, который мог бы дать России гораздо больше, чем Ленин, если бы обстоятельства сложились иначе.

Мы имеем в виду П. Б. Струве (26 января/7 февраля 1870 г. — 26 февраля 1944). Струве был сначала тоже марксистом, но очень скоро стал понимать всю несостоятельность марксизма. При помощи философии Канта и неокантианства он показывает, что марксизм утверждает логический нонсенс, подчиняя должностное бытию. Однако Струве скоро перерастает и Канта и его разрыв между эмпирией и трансцендентальностью. Философские наброски Струве чрезвычайно глубоки и оригинальны. Но многогранная деятельность и многочисленные интересы отвлекли Струве от чистой философии. У него имеется ряд трудов по политической экономии.

Струве принимал также активное участие в политической жизни страны, будучи депутатом Думы.

В эмиграции Струве жил и писал свои труды в Праге, в Белграде, в Париже.

Мы предлагаем читателям отрывки из брошюры Струве «Понятие и проблема социальной политики», которая вышла в свет в 1910 г.⁹⁾ Во многом брошюра, конечно, устарела. Но ее основные мысли удивительно современны. Струве многое правильно предвидел. В самом деле, социальная политика, практические меры для улучшения социальной жизни людей — это

частичное воплощение в жизнь идей социализма, но воплощение того, что возможно, что соответствует натуре человека, что действительно облегчает его жизнь.

Тотальное же проведение в жизнь всего чисто теоретического идеала социализма невозможно, попытка его насильственного осуществления несет людям несчастье, кровь, слезы. В этом мы достаточно убедились за 52 года господства абстрактной тоталитарной идеи на нашей родине.

Мы предоставляем читателю судить, насколько трезвее, жизненнее, умнее социальные идеи Струве, чем, например, утопическая книга Ленина «Государство и революция», написанная им через 7 лет после появления в свет брошюры Струве.

Моя задача — познакомить вас с социальной политикой в историческом освещении. Тема эта очень обширна, а времени ей мы можем уделить очень немного. И потому — как это впрочем всегда бывает с академическими чтениями — задача моя не та, которую преследуют учебники, будь то маленькие пособия из тех, которым старый школьный жаргон присвоил выразительное название „pontes asinorum“, или толстые „Handbuch'i“, которые так именуются, по-видимому, оттого, что их трудно взять в руки. Задача академических чтений — будить мысль, ставить проблемы, в живой речи знакомить с постановкой и решением научных задач — всегда сквозь призму научной индивидуальности преподавателя.

Всего естественнее начать наш курс с рассмотрения вопроса: что такое социальная политика?

⁹⁾ П. Б. Струве. Понятие и проблема социальной политики; «Известия С.-Петербургского Политехнического Института», том XIV, 1910 г. (Вышло также и отдельным оттиском).

О понятии социальной политики, по крайней мере на немецком языке, существует целая литература¹⁾. Но не вдаваясь в рассмотрение этой литературы, мы с самого начала можем с полной определенностью отметить, что социальная политика есть не наука, а лишь объект научного исследования. Социальная политика есть отрасль прикладной экономики, а в области прикладной экономики мы всегда имеем дело с двумя элементами: элементом сущего и элементом должного.

И научное рассмотрение с самого начала обязано избрать такой исходный пункт, который позволил бы объективно и спокойно отнестись к различным точкам зрения на это должное. Совершенно ясно, изучение сущего в области социальной политики является прямой и непосредственной задачей научного исследования.

Итак, социальная политика — практическая дисциплина, связанная с наукой или, если угодно, с науками о хозяйстве. Но только в практических дисциплинах, прикрепляющихся к точным наукам, практические выводы очевидны и наглядно связаны с теоретически добытыми положениями. В практических дисциплинах, исходящих из т. н. наук о духе, такой очевидной связи быть не может. Здесь объектом и изучения в науке, и объектом воздействия на практике является одаренный волей человек, а все человеческое наименее поддается предсказанию и предвидению. Этим устраняется возможность здесь такой очевидной связи между наукой и прикладными дисциплинами, как в области т. н. точного знания.

Если мы здесь вернемся к вопросу: что такое социальная политика, то ответ на него будет таков: **социальная политика есть совокупность сознательных воздействий субъектов политики на социальные отношения в целях их построения согласно определенному заданию.**

Из этого определения социальной политики непосредственно вытекает, что в резких и ясных очертаниях она может существовать только тогда и постольку, когда и поскольку субъекты политики хотят и находят нужным воздействовать на социальные отношения. Если такое воздействие нежелательно для субъектов политики, или невозможно, то падает само понятие социальной политики. Поэтому в те эпохи, когда господствовало представление об «естественной» закономерности общественного процесса, когда думали, что в основе этого процесса лежит естественный закон, который приведет к «должным» и желательным результатам, лишь бы только не мешать свободной игре экономических сил; в эти эпохи социальная политика, как сознательно ставимая и осуществляемая проблема, была невозможна, ибо ее не хотели, считали ее лишней и ненужной. Подчинение идее естественного порядка приводит к тому, что в отрицании социальной политики сходятся экономический либерализм и индивидуалистический анархизм, несмотря на все различие их исходных точек зрения. Конечно, и та, и другая точка зрения неосуществима и утопична. Самое понятие «естественного закона» не продумано и противоречиво, а вера в возможность существования сложных экономических отношений без какого бы то ни было принудительного воздействия ни на чем не основана и в сущности, как вера, не подлежит даже научной критике. В форме экономического либерализма эта точка зрения уже отмерла. В форме индивидуалистического анархизма она оказалась более живучей. Но в такой форме она, так сказать, ни в одной точке не соприкасается с социальной политикой.

Далее, мы поставим такой вопрос: что может или должно быть идеалом социальной политики? Поскольку мы говорим: «должно быть» — это не научный вопрос. Но он вполне законен, когда мы говорим о том, что может быть

и в социальной действительности является целью и заданием социальной политики. И тут с самого начала очевидно, что **социальная политика может преследовать разные цели и стремиться к противоположным идеалам.**

Яркой иллюстрацией к этому положению могут служить те споры о законодательном регулировании женского труда на фабриках, которые имели место на международном конгрессе по вопросам законодательной охраны рабочих в 1897 году. Представители социальной политики, исходящей от религии, католики, требовали принятия резолюции о необходимости всячески препятствовать труду женщин на фабриках, социалисты стояли на противоположной точке зрения. Это было не просто техническое разногласие, и спорившие исходили тут не от соображений целесообразности, а именно от различных целостных идеалов жизни: одни от идеала семейной жизни, как он понимается в наше время, другие от социалистического убеждения в том, что современная «буржуазная семья» естественно разрушается и должна уступить место новым формам²⁾. И те и другие стремились предписать свой идеал государству в его деятельности по рабочему вопросу; и тот и другой идеал мог бы действительно воплотиться в законодательные мероприятия.

Вагнер дает такое определение социальной политике: «под социальной политикой вообще мы понимаем ту политику государства, которая стремится бороться средствами законодательства с неурядицами в области процесса распределения». Очевидно для Вагнера социальная политика представляется подчиненной идеалу справедливо-го распределения. Но ведь воздействие на социальные отношения возможно и в этом, «справедливом», смысле, и в противоположном, «несправедливом». В последнее время мы привыкли к тому, что социальная политика идет в направлении защиты низших классов населения. Но ведь в свое время прикрепление крестьян к земле было тоже плодом своеобразной социальной политики. И разве такая «отрицательная» социальная политика не была социальной политикой?

Зомбарт ставит идеал социальной политики иначе, чем Вагнер, и в связи с этим идеалом иначе и своеобразно определяет и самое понятие социальной политики. Он говорит, что может быть два вида мероприятий экономической политики вообще. Мероприятия эти либо направлены на бытие, укрепление, или на уничтожение, ослабление целой экономической системы, либо на благо или зло отдельных хозяйствующих субъектов.

По мнению Зомбарта только первая категория мероприятий образует социальную политику. Соответственно этому он под социальной политикой понимает те мероприятия экономической политики, которые имеют целью или следствием сохранение и поощрение, или, наоборот, подавление определенных экономических систем или их составных частей. Этой социальной политике Зомбарт противопоставляет «персональную политику»: «те мероприятия, которые относятся к благо (Wohlergehen) отдельных лиц, независимо от их принадлежности к определенным хозяйственным системам и тем самым — к определенным социальным классам»³⁾.

²⁾ Об упомянутом здесь конгрессе и дебатах на нем см. в моем сборнике статей «На разные темы» стр. 360 и сл.

³⁾ *Sombart L. c. S.* — Дело в том, что с определенными социальными системами — по Зомбарту — сопрягаются определенные социальные классы [an sie (sc. die Wirtschaftssysteme) gliedern sich die sozialen Klassen an], или их выражают такие классы. Юнкерство и крестьянство суть представители натурального хозяйства, мелкая буржуазия — местного менового хозяйства, буржуазия — капиталистического менового хозяйства в его консервативно-монархической окраске, пролетариат — того же хозяйства в его тенденции к социализации и демократизации. Все это писалось Зомбартом еще тогда, когда он целиком принимал Бюхеровскую классификацию экономических систем.

¹⁾ Ср., например, *Sombart. Ideale der Sozialpolitik* в Braun's Archiv за 1897 г. (ест. русский перевод); *Borkievicz. Der Begriff der Sozialpolitik* (Conrad's Jahrbücher, 1898). v. d. *Borgh. Grundzüge der Sozialpolitik*. Ad. Wagner в VI tome Braun's Archiv; *Jastrow. Sozialpolitik und Verwaltungswissenschaft* I. Berlin 1902.

Против этих положений Зомбарта возникает целый ряд возражений.

Приводя его определение социальной политики, я подчеркнул, что он определяет ее по ее целям или следствиям. И это важно подчеркнуть вот почему. Критиком Зомбарта проф. Борткевичем было справедливо замечено, что понятие социальной политики ни в коем случае нельзя определять по ее последствиям. Политика есть *ex definitione* система сознательных и планомерных воздействий субъекта политики; но последствия ее могут быть совершенно мимовольны, неожиданны для самого этого субъекта, могут не заключаться в сознательно поставленных им задачах или даже им противоречить. Политика есть сознательная система действий волевого субъекта. Поэтому она может определяться только целью, а не последствиями.

Определение социальной политики, даваемое Зомбертом, тем любопытнее, что оно, будучи весьма философским на первый взгляд, на самом деле грубо и несостоятельно. Ибо совершенно ясно, что оно заимствует признаки социальной политики не изнутри ее, а извне.

Я определил социальную политику, как совокупность воздействий того или иного волевого субъекта на социальные отношения. Остановимся сначала на первом существующем моменте этого определения и поставим вопрос: кто может быть субъектом социальной политики? И в ответ на него я скажу, что всякие воздействия всякого субъекта на социальные отношения относятся к области социальной политики. Не принято говорить о политике отдельного человека. Политика обычно мыслится, как совокупность воздействий государства. Но ведь говорим же мы о политике городских самоуправлений! Если на это возражают, что, согласно современным взглядам на местное самоуправление, его политика заимствует свою силу от государственной власти, то можно пойти дальше и напомнить, что мы говорим о политике картелей и синдикатов, о политике рабочих союзов. Но возможно сделать еще один, дальнейший шаг. Если мы представим себе, что в руках одного лица сосредоточено такое экономическое могущество, каким обладает, например, синдикат, — а для того чтобы убедиться в том, что это не утопия, достаточно вспомнить о знаменитом фон-Штумме — если мы это себе представим, то почему же не говорить в таком случае о социальной политике, исходящей от отдельного лица? Таким образом, поскольку даже отдельный человек может воздействовать на социальные отношения, у него есть политика, или, иначе, субъектом политики может быть и отдельный человек.

Второй существенный момент приведенного определения — это социальные отношения, и нам необходимо ответить на вопрос: что такое социальные отношения? Обычно говорят, что это отношения между социальными классами. Такое определение можно принять, на нем можно было бы успокоиться. Но при этом нужно помнить, что, как это ни парадоксально, не социальные классы создают социально-ориентированную мысль и политику, а, наоборот, социально-ориентированная мысль создает понятие социального класса. Общерапространенное, «вульгарное», или, если угодно, «наивное» мнение (и не только оно, а и довольно широкие научные круги) оперируют «социальным классом», как чем-то реальным, чему свойственна даже некоторая высшая реальность, чем индивиду. Обычно полагают, что в мире социальной действительности есть какие-то большие социальные глыбы — классы, от которых откалываются частички, или атомы — индивиды. Но это в своем роде мифология. На самом деле эти мнимые глыбы суть продукты деятельности нашего интеллекта и нашей воли, суть наши продукты, суть психологические факты. Класс как живая сила, а не просто категория классификации, есть психологический факт, есть как бы социально-психологическое отвержение множества индивидуально-психологических реакций. Быть может, еще более ясно и еще более заостренно это можно выразить следующим образом:

разом: не какая-то объективная масса, глыба, класс исходит из себя классовое сознание, а, наоборот, классовое сознание, классовая душа, словом некий психологический факт формирует или создает некоторую объективную массу, класс. И тем создается объект социальной политики, поскольку «социальная политика есть не что иное, как выражающееся в законодательстве и управлении отношение государства к социальным противоречиям»⁴).

Этически-социальное мерило дает социальной политике «этическая» школа в политической экономии, к которой примыкает вся пестрая фаланга ученых-политиков, объединяемая под кличкой «катедер-социалистов». Это один вариант этицизма, настаивающий на историческом и относительном характере содержания этических норм. Он представлен Коном и Шмоллером. В другом варианте, представленном Штаммлером, мы имеем дело с попыткой отыскания абсолютных этических норм, с кантианством и попыткой установления «категорического императива» для социальной политики.

Религиозную санкцию, религиозное мерило дают разные направления христианских социал-политиков. Они исходят из того, что в основе социальной политики должно лежать естественное право, понимаемое, как веление самого Бога. «Признание обоснованного в природе, и потому раз навсегда данного, изъятото от перемен общественной эволюции права...», говорит известный католический философ и социальный политик фон-Гертлинг, «есть основа уверенной в себе и сознающей свои цели социальной политики». Существует, говорит другой католический писатель, «объективный общественный божественный строй». Само собой понятно, что нет надобности критиковать этот взгляд, ибо такое обоснование социальной политики изымает ее основы из сферы чисто человеческих рассуждений. Науке и эмпирическому обоснованию здесь нечего делать...

Гораздо менее последовательны в религиозном обосновании социальной политики протестанты. Они вообще недостаточно абсолютисты в самой религии, для того чтобы на абсолютном фундаменте божественного закона основать здание норм социальной политики.

Пусть по Зомбарту идеалом социальной политики является наивысшая, наиболее производительная экономическая система. Но, ведь, если эта наибольшая производительность приурочивается не к наличной массе ценностей, не к данному моменту времени, проецируется в будущее, прикрепляется к возможностям, к силам, то, значит, наивысшая экономическая система это та, которая создает и воспитывает наиболее сильного, наиболее производительного человека.

А наиболее сильный, наиболее производительный человек разве не тот, в котором наибольший запас духовных сил? Если чему-нибудь нас учит с несомненностью экономическая и социальная история, так это тому, что экономическая годность неотделима от прочих сторон годности, что экономическая годность в среднем и целом предполагает известные моральные свойства. Это можно афористически и драстически формулировать так: в целом обществе может преуспеть умелый и умный мошенник, но целое общество мошенников потерпит жалкое фиаско. Об этом часто забывают с противоположной стороны, идеализируя экономическое убожество. По этому поводу можно было бы сказать, что если святой может быть экономически беззаботным (как птицы небесные, которые не сеют и не жнут), то не следует возводить в святые каждого экономически беззаботного человека, т. е. полагать, что отсутствие свойств «экономического человека» означает высокий моральный уровень личности или народа. С другой стороны, наряду с идеализацией экономического убожества можно встретить своего рода экономическую идеализацию без-

⁴ „Sozialpolitik ist eben nichts anderes, als die in Gesetzgebung und Verwaltung sich äussernde Stellungnahme des Staates zu den sozialen Gegensätzen“ Bortkiewicz l. c. 334—335.

нравственности, как якобы полезного приспособления в борьбе за хозяйственное преуспевание. Такая идеализация безнравственности даже нашла себе выражение в «народной мудрости», создавшей поговорку: от трудов праведных не наживешь палат каменных. Однако исторически вовсе не безнравственные элементы были носителями экономического прогресса. Его пионеры выходили из рядов аскетических течений протестантизма или из рядов нашего сектантства — в обоих случаях в тех их разветвлениях, которые в особенности были проникнуты строгими этическими началами⁵⁾. Итак, наивысшая, наиболее производительная система, если раскрыть эти скобки, представляющаяся экономически «сухими» и «отвлеченными», обнаруживается перед нами, как понятие, которому необходимо присуще известное живое этическое содержание. Конечно, можно сказать, что мы в экономической или социальной политике высоко оцениваем экономически производительное не потому, что оно есть этически ценное, а, наоборот, этически ценное нам тут дорого потому, что, или за то, что оно есть наиболее производительное. Мы с государственной, общественной, расовой точки зрения желаем наивысшей экономической системы, наибольшей силы. Но мы знаем в то же время, что реально-психологически эта сила общества, государства, расы воплощается в известных свойствах личностей, или с ними неразрывно связана. Поэтому мы хотим известного строя личностей, известного их воспитания — ради экономической силы. Как бы то ни было, отсюда уже явствует, что «этику» в известном смысле нельзя устранить, или изгнать из политики, ибо она, как нечто «фактическое», а не нормативное, есть ингредиент всякой политики, в том числе экономической и социальной политики.

Здесь мы возвращаемся к вопросу, который выше уже был затронут, к вопросу о том, можно ли строить понятие социальной политики, как понятие противоположное политике персональной? Выше я уже настаивал на том, что этого нельзя делать. Политике нет дела до «экономических систем», до понятия системы вообще. Политика, доступными ей средствами, имеет дело с горем и радостью живых людей, и в этом непосредственном, простецком критерии, а не в Begriffe системы она черпает свое мерило и находит свой идеал. И этим определяется отношение социальной политики к социализму. Зомбарт полагал, что его критическое построение социальной политики возвышается над социализмом, даже над социализмом научным. Но это вовсе не так. Вся его конструкция именно к социализму и приспособлена и представляет из себя — да будет позволено так выразиться — научно причисанный социализм. В самом деле, социалисты прямо говорят: социализм есть идеал и капитализм мы приемлем потому что и постольку, поскольку он ведет к социализму, как к высшей ступени, высшей системе. Социализм мыслит себя именно как систему в смысле Зомбарта, как некий объединенный единым началом и универсальный порядок. Когда Зомбарт строил понятие социальной политики, осуществляющей «систему», в противоположность политике персональной, осуществляющей благо отдельных лиц, ему предносилось понятие социализма, как единой и цельной универсальной системы. Но именно держа в уме конструкцию Зомбарта и против нее можно сказать, что всякая социальная политика есть политика персональная в его смысле. Этим социальная политика отличается от социализма, который есть политика системы и во имя системы.

В самом деле: социализм есть именно созерцание и построение цельного и универсального порядка отношений, построение, исходящее из одного принципа. В этом формально-логическая сущность, в этом же и эстетическая прелесть, и этическая ценность социализма. А социальная политика, может ли она быть измеряема одним принципом, относима к одному универсальному началу?

⁵⁾ Подробнее об этом я говорил во введении к курсу о кустарной промышленности, прочитанному мною в 1908/9 уч. году.

Я отвечаю на этот вопрос отрицательно.

Противоположение социализма и социальной политики может служить нам для объяснения того явления, которое мы в праве охарактеризовать как внутренний, или идейный кризис социализма. При всех успехах социального движения, происходящего под внушением социалистической идеи, и именно в этом процессе осуществляющейся и осложняющейся социальной реформы разлагается целостное построение социализма, как некоего универсального порядка. Не затронутый скептическими сомнениями и компромиссной практикой социализм полагал, что общественный строй может быть улучшаем, изменяем только целиком, или, если и по частям, то на основании одного какого-либо принципа. «Все или ничего» — в таком лозунге можно формулировать это наивное воззрение или, точнее, настроение девственного социализма.

Это «все или ничего» является не только практическим лозунгом, но и теоретическим убеждением. «Возможно, осуществимо только все». И любопытно отметить, что этому настроению социализма во враждебных ему сферах противопоставляется теоретически тождественное убеждение, что принципу социализма нельзя делать никаких уступок. Такую позицию можно формулировать пословицей: «коготок увяз — всей птичке пропасть».

Примеров такого отношения к социальным реформам можно найти сколько угодно. В весьма резкой форме оно выражено было К. П. Победоносцевым при обсуждении в Государственном Совете законопроекта о нормировке рабочего времени, ставшего законом 2-го июня 1897 г. Победоносцев предостерегал от этой реформы и указывал, что, осуществляя ее, государство становится на наклонную плоскость и приближается к пропасти социализма⁶⁾. Если вы возьмете известную работу уже умершего мюнхенского профессора Юлиуса Лера, в которой дана сводка разных мнений о прогрессивном подоходном налоге⁷⁾, то там вы найдете целый ряд «научных» отзывов в таком духе, что прогрессивный подоходный налог есть один из шагов на том пути, в конце которого лежит социализм. То же говорилось и по поводу огосударствления железных дорог и по поводу государственного страхования рабочих. Социалистической формуле «все или ничего» противопоставлялось и даже до сих пор (напр. в вопросе о государственном вмешательстве в установление величины заработной платы) противопоставляется формула: «ничего — или все»⁸⁾.

В основе обеих этих формул лежит — и это интересно в занимающем нас контексте — одно и то же теоретическое убеждение.

Либкнехт полагал, что вся современная социальная политика ведет не к государственному социализму, а к государственному капитализму. В этом суждении покойного вождя германской социал-демократии заключалось, в его основе лежало именно то теоретическое убеждение, о котором я говорю. В ортодоксальной социал-демократической литературе вы встретите часто это мнение: социальная реформа не преобразует современного социального строя и не подготавливает социализма, а укрепляет и увековечивает существующие социальные отношения. С другой стороны в реакционном по отношению к социальной реформе лагере при каждой новой социальнополитической мере кричат: «караул, социализм идет!»

Придется признать, что правы и те, и другие. Или неправы ни те, ни другие. Социальная политика есть в одно

⁶⁾ Ср. Отчет Государственного Совета за соответствующий год, где изложено мнение Победоносцева.

⁷⁾ Julius Lehr. Kritische Bemerkungen zu den wichtigeren für und wider den progressiven Steuerfuss vorgebrachten Gründen, в Hildebrand-Conrads Jahrbücher für Nationalökonomie Band XXVIII (1877).

⁸⁾ Любопытно, что такой экономист как Герман, возражая против прогрессии, именно так и рассуждал: важен принцип коммунизма, лежащий в прогрессии, а мало ли, много ли коммунизма — это безразлично. Ср. Lehr I. с.

и то же время и пришествие и кончина социализма, его осуществление и его разрушение. Ибо социальная политика есть ряд мероприятий, осуществляющих не систему, а благо и интересы живых людей. Многим представителям социального радикализма в прошлом, можно сказать, и не снилось осуществление тех социально-политических мер, которые на наших глазах осуществились и вошли в действительность. Им гораздо вероятнее казались социальные катастрофы, чем та сложная, постепенная и пестрая социальная реформа, которая осуществилась на самом деле. Повторяю, «все или ничего» было теоретическим убеждением.

Но, с другой стороны, по мере осуществления отдельных социально-политических мероприятий разрушается или, если угодно, тает единый и целостный образ социализма. Ибо, с точки зрения социалистического ригоризма — этого нельзя не признать — те кусочки «социализма»,

которые вошли и постоянно входят в жизнь через социальную политику, построены на разных принципах, случайны, суть «штопанье». В реальной социальной политике царит многообразие принципов, форм, обнаруживается множество различий в степени осуществления того или иного идеала, или начала, ибо реальная социальная политика есть результат компромиссов и мир приближений. Она — в отличие от социализма — не представляет из себя целостной системы и универсального порядка. Она плюралистична в противоположность той монистичности социализма, которая возможна только в удалении от социальной действительности, возможна, пожалуй, как боевой клич в состязании социальных сил, но не как согласительная формула в их мирных трактатах. Вот почему и вот в каком смысле социальная политика есть, с совершенно объективной точки зрения, и пришествие, и кончина социализма.

А. АВТОРХАНОВ

Ленин и ЦК в революции

Весь этот год в Сов. Союзе будет воскуряться фимиами Ленину, нет границ возвеличиванию этого вождя революции, который так своевременно умер и не успел попасть ни под какую «чистку» или «деленизацию», ни при жизни, ни *post mortem*.

И все же, несмотря на весь разбухший и уродливый культ этой личности, советские идеологи реагируют аллергически, если кто-либо скажет, что Октябрьская революция была, собственно говоря, делом Ленина, без него, без его напорного волюнтаризма ее бы не было, так как в решающий период между двумя российскими революциями никто из других влиятельных членов ЦК не понял, что если они хотят совершить большевизкий переворот, то это возможно только теперь, пока демократический строй в России еще не укрепился, пока еще идет война.

Во время первого периода десталинизации Е. Н. Бурджалов опубликовал в «Вопросах истории» № 4, 1956 г. статью «О тактике большевиков в марте-апреле 1917 г.». В этой статье он показывает, что в эти месяцы большевики и их орган «Правда» вели неправильную тактику. Они стояли за условную временную поддержку временного правительства, поскольку оно будет придерживаться взятых на себя обязанностей и стремиться провести в жизнь «буржуазную демократию». Они не отказывались от мысли «пролетарской революции», но соглашались с классическим марксизмом считали, что Россия должна сначала пройти период капиталистического развития. Тогда только Молотов стоял на ленинских позициях перехода непосредственно от одной революции к другой. Но после возвращения из ссылки Л. Каменева, И. Сталина и М. Муранова Молотов был вытеснен с руководящего поста в редакции «Правды». Главную роль в редакции стал играть Каменев, стоявший за условную поддержку временного правительства. Его поддерживал Сталин, который потом это сам признал в своей покаянной речи «Троцкизм и ленинизм», произнесенной им в 1924 г. Даже апрельские тезисы Ленина не были сначала поняты, Сталин назвал их схематичными и нежизненными.

В этот год в журнале «Вопросы истории» были помещены и другие «крамольные» статьи на исторические темы.

Разгром не заставил себя долго ждать. 9 марта 1957 г. ЦК компартии принял решение, резко критиковавшее «отход редакции «Вопросов истории» от принципов ленинской партийности». Главный редактор журнала А. М. Панкратова получила строгий выговор, а заместитель редактора Бурджалов был удален со своего поста. Из состава редакции были, кроме того, удалены: А. С. Арциховский, академик Н. М. Дружинин, А. С. Ерусалимский, П. П. Епифанов, И. А. Федосев и академик М. Н. Тихомиров.

Статья Бурджалова была признана особенно вредной. Под предлогом критики Сталина он якобы выдвигал Каменева и пытался доказать, что до возвращения Ленина партия стояла на полуменьшевизких позициях. Затем Бурджалова упрекали в том, что он посмел поставить Сталина на одну доску с Каменевым, а это просто невыносимо. Сталин был выдающимся марксистом-ленинистом.

На международном философском конгрессе в Вене в сентябре 1968 г. советский идеолог Глезерман старался убедить слушателей, что Ленин не был волюнтаристом и что Октябрьская революция была исторической необходимостью, а вовсе не делом Ленина.

В чем же тут дело? С одной стороны восхваление Ленина и его дела до небес, а с другой стороны резкие нападки на каждого, кто называет Октябрьскую революцию преимущественно делом Ленина и указывает, что в своей тактике, направленной на революцию, захват власти и установление тоталитарной диктатуры прав был Ленин, а не его соратники.

Корень этих противоречий кроется в невозможности совместить фактическую роль личности в истории с марксистским догматом об исторической необходимости и детерминизмом в истории. Об этом писала Пирожкова в № 3 (19) «Зарубежья» в статье «Философский конгресс в Вене и проблемы марксизма». Об этом пишет и Раух в своей книге, главу из которой мы помещаем в этом номере.

Вот советские идеологи и извиваются, стараясь сделать так, чтоб были и волки сыты и овцы целы, сохранился бы и культ Ленина, и историческая необходимость, независимая от Ленина.

Ниже мы помещаем главу из готовящейся к печати по-английски книги Авторханова, где дается обзор внутрипартийных происшествий в первые недели после февральской революции*).

Первый отклик Ленина на февральскую революцию была его телеграмма на французском языке в Стокгольм 6 (19) марта 1917 г. Телеграмма была адресована «Большевикам, отъезжающим в Россию». В ней в нескольких словах дана тактическая директива Русскому бюро ЦК и большевистской партии. Вот ее содержание: «Наша тактика: полное недоверие, никакой поддержки новому правительству; Керенского особенно подозреваем; вооружение пролетариата — единственная гарантия... Никакого сближения с другими партиями. Телеграфируйте это в Петроград» (Ленин, ПСС, т. 31, стр. 7). Телеграмма эта была доставлена в Петроград и 13 (26) оглашена на заседании Русского бюро ЦК и в тот же день на заседании Исполнительной комиссии Петербургского комитета (там же, стр. 502—503).

Эта директива Ленина не только не была принята лидерами партии в России, но она даже не была и понята ими. Если старый состав Русского бюро ЦК в феврале был левее и ближе к ленинской точке зрения в смысле углубления революции и захвата власти («создать временное революционное правительство»), если старая «Правда», начавшая выходить с 5 марта (редакция — Ольминский, Калинин, Еремеев, Молотов), объявила Временное правительство Львова-Керенского контрреволюционным, то новый состав Русского бюро ЦК и новая редакция «Правды» (Каменев, Сталин, Сокольников) стояли на антиленинских позициях. Это о старом составе ЦК и о старой редакции писал Ленин: «Мы за ЦК в России, за «Правду», за свою партию, за пролетарскую милицию, подготовляющую мир и социализм» (там же, т. 49, стр. 410); ничего подобного о новом составе бюро ЦК и о новой редакции «Правды» Ленин не напишет. Насколько новое руководство ЦК стало в оппозицию к Ленину, показывает и тот факт, что «Правда» согласилась напечатать только одно из четырех писем Ленина о тактике, присланных из Швейцарии и предназначенных к печати («Письма издалека»). Даже и это письмо было напечатано с большими сокращениями. По словам большевистского комментатора Сочинений Ленина «Сокращения касаются, главным образом, характеристики лакействующих перед буржуазией лидеров соглашательных партий — меньшевиков и эсеров... а также разоблачения Лениным монархических и империалистических устремлений Временного правительства» (там же, т. 31, стр. 504).

Вот как раз эти два вопроса — вопрос об отношении к Временному правительству и вопрос об отношениях между большевиками и меньшевиками и составляли корень разногласий между Лениным и новым ЦК. Чтобы понять суть дела, надо рассказать о тех переменах в составе ЦК, которые произошли в первые две недели после февральской революции.

При Сталине протоколы ЦК этого периода держались в строжайшей тайне. Впервые они были опубликованы в 1962 г., в разгаре разоблачительной кампании против Сталина. Они дают возможность восстановить действительную политику ЦК до возвращения Ленина в Россию, а тем самым понять и смысл той первой революции в Рос-

сии, которую Ленин провел против собственной партии, без которой абсолютно была бы невозможна и вторая революция Ленина — Октябрьская.

В марте Русское бюро ЦК заседает ежедневно или через день-два. Первое расширенное заседание его происходит 4 (17) марта.

Судя по протоколу, можно думать, что в этом заседании кроме членов Бюро ЦК Шляпникова, Залуцкого и Молотова приняли еще участие бывшие члены Бюро ЦК — Еремеев, Шведков, Залежский («Вопросы Истории КПСС», № 3, 1962, стр. 136).

На этом заседании были распределены обязанности между членами Бюро, а также привлечены новые лица к работе. Было решено приступить к возобновлению издания «Правды», назначена редакция (Еремеев, Молотов и Калинин), указано, что «все три редактора одинаково ответственны и вопросы решаются ими единогласно», в случае разногласия — верховный арбитр Бюро ЦК. Хозяйственная часть возложена на Шведчикова. Сношения с заграницей поручены С. М. Заксу, а с провинцией — Г. И. Бокию. Ведать финансами партии поручено Шляпникову (там же, стр. 136—137). Самым важным решением заседания 4 марта надо считать принятие резолюции о «тактических задачах». В этой резолюции предвосхищена ленинская характеристика Временного правительства. Там сказано: «Теперешнее Временное правительство по существу контрреволюционно, так как состоит из представителей крупной буржуазии и дворянства, а потому с ним не может быть никаких соглашений». (там же, стр. 136).

Только во второй части не совсем «диалектические» ученики Ленина повторяли устаревшую формулу своего учителя из революции 1905 г.:

«Задачей революционной демократии является создание Временного революционного правительства демократического характера (диктатура пролетариата и крестьянства)» (там же). Для Ленина власть Советов рабочих и солдатских депутатов и была теперь той новой формой «диктатуры пролетариата и крестьянства», которую он в 1905 г. не совсем ясно себе представлял.

На совершенно противоположной, антиленинской точке зрения стоял Петербургский комитет. 3 марта он постановил одобрить решение Петроградского Совета от 2 (15) марта об условной поддержке Временного правительства. Когда Бюро ЦК захотело выправить положение и предложило ему на утверждение резолюцию, в которой отвергалась любая поддержка «контрреволюционного Временного правительства», то Петербургский комитет еще раз подтвердил 13 (26) марта свое старое решение (там же, стр. 155).

В начале марта начали возвращаться из Сибири старые большевики, бывшие члены или агенты ЦК. Это привело к постепенному расширению состава ЦК.

Так 7 (20) марта Бюро ЦК постановило расширить свой состав включением в него бывших членов Бюро ЦК, освобожденных из тюрем и вернувшихся из ссылки — К. С. Еремеева, В. Н. Залежского и К. М. Шведкова, кроме того было удовлетворено желание Петербургского комитета включить в состав Бюро ЦК трех его представителей — М. И. Калинина, К. И. Шутко и Хахарева. На заседании Бюро ЦК от 8 марта в состав Бюро ЦК были кооптированы еще следующие лица: Ольшанский, М. И. Ульянова (сестра Ленина), А. И. Елизарова-Ульянова (другая сестра Ленина). На том же заседании были приняты две важные тактические резолюции о войне и об отношении к Временному правительству. Резолюция о войне составлена в духе Манифеста ЦК о войне 1 ноября 1914 г. с указанием на то, что война и при новом правительстве остается империалистической войной, поэтому лозунг партии — «превращения империалистической войны в гражданскую» — остается в силе и сейчас. Что же касается отношения к Временному правительству, то в протоколе сказано, что «Из прений выяснилось, что все члены Бюро считают не-

*) Глава из готовящейся к печати на английском языке новой работы автора — «Ленин и ЦК». Д-р Авторханов является профессором Института Американской армии. Ни Институт ни Департамент армии не несут ответственности за точку зрения автора.

возможным поддерживать Временное правительство, однако и активное противодействие не представляется возможным, как невозможно взять на себя ответственность за правительство» (там же, стр. 141). Бюро ЦК по мере своего расширения становилось все более миролюбивым по отношению к Временному правительству, явно отходя от ленинской линии, если речь идет не о декларациях (о войне), а о практике работы в Советах.

Возникают серьезные трения между Бюро ЦК и Петербургским комитетом, в состав которого в марте входили: Н. К. Антипов, В. Н. Залезский, М. И. Калинин, Н. П. Комаров, И. И. Стучка, Н. Г. Толмачев, К. И. Шутко, Н. И. Подвойский и А. Г. Шляпников («История КПСС», т. 3, кн. первая, стр. 22).

Как мы выше видели, Петербургский комитет был с самого начала еще более миролюбиво настроен по отношению к Временному правительству, чем Бюро ЦК. Кроме того он претендовал на самостоятельную руководящую роль в Петроградском Совете, иногда игнорировал директивы ЦК. Об этом говорилось на заседании Бюро ЦК от 12 марта. Петербургский комитет сделал на этом заседании заявление, что в отличие от Бюро ЦК «выступления Петербургского комитета отвечают непосредственно данному моменту, интересам дня, его резолюции более конкретны... Петербургский комитет находит необходимым, чтобы директивы Бюро ЦК передавались на рассмотрение Петербургского комитета для ознакомления с ними, чтобы потом проводить их в жизнь. Далее указывалось, что Бюро ЦК должно считаться с указаниями Петербургского комитета, так как Петербургский комитет опирается на массы. Было указано, что Бюро ЦК был сделан целый ряд ляпсусов в Манифесте... Такими фактами Бюро ЦК дискредитирует большевизм. Далее товарищи обратили внимание на пустоту «Правды» («Вопросы истории КПСС», № 3, 1962, стр. 144).

Таким образом у самой большевицкой партии в Петрограде образовалась «двоевластие» — Бюро ЦК, как легальная высшая партийная инстанция и Петербургский комитет, как фактическая власть над партией в столице.

Поскольку половина членов Бюро ЦК одновременно являлись и членами Исполнительной комиссии Петербургского комитета, то «двоевластие» явно склонялось к единовластию Петербургского комитета. Произошло событие, которое воспрепятствовало развитию дела в этом направлении. Событие это — возвращение из Сибири бывших членов ЦК Муранова и Сталина, а также бывшего члена редакции Центрального органа Каменева. На том же заседании ЦК от 12 марта обсуждался вопрос о включении их в состав Бюро ЦК, а также о введении в состав ЦК Бокия. Обсуждению данного вопроса предпослано заявление о том, кого и по каким критериям Бюро ЦК кооптирует в свой состав из новых лиц. В заявлении сказано, что Бюро ЦК привлекает в свой состав всех тех лиц, которых оно считает ценным по своему «политическому кредо», а также «ценных теоретических работников». «Бокий был включен в состав Бюро ЦК, «так как он стоит на позиции Бюро ЦК». Далее решался вопрос о тов. Муранове, Сталине и Каменеве. Первый приглашен единогласно. Относительно Сталина было доложено, что он состоял агентом ЦК в 1912 г. (ошибка: Сталин был агентом ЦК с 1910 г., а членом ЦК с 1912 г. — А. А.) и потому являлся бы желательным в составе Бюро ЦК, но ввиду некоторых личных черт, присущих ему, Бюро высказалось в том смысле, чтобы пригласить его совещательным голосом. Что касается Каменева, то ввиду его поведения на процессе (1915) и тех резолюций, которые были вынесены относительно него большевиками, решено принять его в число сотрудников «Правды»... статьи его принимать как материал, но за его подписью не выпускать» (там же, стр. 143).

Кроме того Каменеву было предложено дать объяснение своему поведению на процессе депутатов Государственной думы в 1915 г. (там Каменев отмежевывался от линии ЦК в

отношении войны). В обсуждении вопроса о Сталине и Каменеве Бюро ЦК продемонстрировало свою полную юридическую и политическую беспомощность. Юридически потому, что члены ЦК (Сталин) и члены ЦО (Каменев) из-за ареста своих постов в партии не теряли и после освобождения им автоматически возвращалось их старое положение. Политически потому, что как лидеры партии они превосходили всех членов Бюро ЦК вместе взятых.

Не прошло и несколько дней, как они это доказали — с середины марта Сталин и Каменев забирают в свои руки власть и над ЦК и над «Правдой». Это кладет конец и «двоевластию» в руководстве партии в Петрограде. Но пока что властвует старый ЦК.

Ввиду расширения состава Бюро ЦК был избран президиум Бюро ЦК. Туда вошли: Муранов, Молотов, Стасова, Ольшанский, Шляпников (Беленин) и кандидатом Залуцкий (Петров) (там же, стр. 145).

На заседании Бюро ЦК от 13 марта (присутствовало 11 человек, в том числе и Сталин с совещательным голосом), была оглашена телеграмма Ленина, в которой содержались лозунги «никакой поддержки Временному правительству», «вооружение пролетариата», «никакого сближения с другими партиями». Вероятно эта телеграмма была встречена далеко не дружелюбно. Она осуждала условную поддержку Временного правительства и отвергала всякие соглашения с меньшевиками, то есть осуждала ту политику, которую до сих пор вело большинство Бюро ЦК и весь Петербургский комитет. Вероятно этим и объясняется то, что после обсуждения телеграммы Ленина «был поставлен вопрос о необходимости дискуссии о тактике, ибо одни голые лозунги являются недостаточными... Было постановлено, что необходимо иметь платформу, раскрывающую лозунги, выставленные Бюро ЦК» (там же, стр. 145).

Для этой цели создали комиссию, куда вошел и Сталин. Было доложено, что по политическим и партийным соображениям Каменев отказывается давать отчет о своем поведении на суде «впредь до переговоров с тов. Лениным». Была реорганизована редакция «Правды». Сюда вошли теперь: Ольминский, Сталин, Калинин, Еремеев и Ульянова (там же, стр. 146). На том же заседании Молотов подал в отставку со своих постов в Исполкоме Совета, президиуме Бюро ЦК и редакции «Правды» ввиду «недостаточной опытности».

Из протокола Бюро ЦК явствует, что Каменев и Сталин, не будучи даже членами Бюро ЦК, фактически начали определять не только политику редакции «Правды», но и самой партии, что вызвало недовольство Бюро ЦК. Особенное недовольство Бюро ЦК вызвала передовая статья «Правды» «Без тайной дипломатии» (Каменев, Сталин) от 15 марта, в которой Сталин и Каменев становились правее даже правого ЦК и по существу поддерживали политику Временного правительства в войне. По поводу этой статьи в протоколе Бюро ЦК от 15 марта сказано, что она «признается неудовлетворительной всеми членами Бюро ЦК и предложено **новым приезжим товарищам** до дискуссии держаться резолюций Бюро ЦК и ПК» (Петроградский Комитет) (там же, стр. 148).

«Новые приезжие товарищи» и были Каменев и Сталин. На том же заседании они все-таки добились первого и серьезного успеха. Редакция «Правды» вновь была реорганизована, на этот раз в ее состав вошли: Каменев, Сталин, Молотов, Еремеев (там же, стр. 148).

Более того. Сталин был избран в президиум Бюро ЦК (его состав теперь: Сталин, Шляпников, Муранов, Стасова, Залуцкий). Одновременно было решено вместо Молотова и еще одного большевика (Владимира) выдвинуть в Исполком Совета рабочих и солдатских депутатов Сталина и Каменева (там же, стр. 149). Так окончательно Каменев и Сталин взяли на себя руководство в ЦК, «Правде» и большевицкой фракции в Совете.

Но сопротивление в ЦК против Каменева продолжается. На заседании Бюро ЦК от 17 марта принимается новое

решение, чтобы не вводить Каменева ни в состав Бюро ЦК, ни в состав Совета, пока вопрос о нем не будет решен на партийной конференции (там же, стр. 150).

На данном заседании обсуждалось заявление представителя меньшевиков-интернационалистов (группы Мартова) об объединении с большевиками, а также заявление о том же «Междурайонного комитета объединенных социал-демократов». «Междурайонная организация» была создана в Петербурге в ноябре 1913 г. из разных групп, отошедших и от меньшевиков и от большевиков. Сюда входили: троцкисты, часть партийцев-меньшевиков, большевики «впередовцы», большевики-примиренцы. К этой группе присоединился и Троцкий в мае 1917 г., после своего возвращения в Россию, кроме него здесь были и такие деятели большевиков, как Луначарский, Мануильский, Урицкий, Володарский. Бюро ЦК по этому вопросу высказалось в том смысле, что оно слияние междурайонной организации с партией «находит желательным и приветствует», но решение по этому вопросу передает Петроградскому комитету («Петербургскому комитету переименоваться в Петроградский комитет, дабы избежать ненужных заподозрений в германофильстве» — там же, стр. 146).

Ленин стоял на той же точке зрения в отношении «междурайонцев» (см. Ленин, соч., т. 24, стр. 395, 4-е изд.).

Но важно было другое решение, в котором сказано:

«Что же касается вопроса объединения с меньшевиками-интернационалистами, то его следует внести на обсуждение руководящих коллективов Бюро ЦК, ЦК и группы литераторов» («Вопросы истории КПСС», № 3, 1962 г., стр. 151). «Группа литераторов» это группа Ленина и Зиновьева из ЦО — «Социал-демократ», но «группа литераторов» устами Ленина уже заявила: «никакого сближения с другими партиями». Говоря о группе Мартова, Ленин ставил условием ее включения в партию (а не объединение с ней) то, чтобы эта группа публично «порвала с оборонцами» (Ленин, там же).

Резкий поворот вправо в политике ЦК происходит на заседании от 22 марта, когда были приняты два весьма важные политические решения: о Временном правительстве и о войне и мире. Эти решения опубликованы в «Правде» от 26 марта 1917 г., как директивные документы высшего органа партии между съездами — ЦК. Тем не менее они не вошли в кодификацию партийных решений — в сборники «КПСС в резолюциях». Это значит, что нынешний ЦК КПСС их не признает. В чем дело, выясняется из их беглого анализа. Выясняется также, что ЦК, как и вся партия большевиков, со времени возвращения 13 марта из Сибири Сталина, Каменева, Свердлова, Рыкова, Орджоникидзе и других членов ЦК, до самого возвращения из-за границы Ленина 4 апреля, вел «опportunистическую, соглашательскую, антиленинскую политику по отношению к Временному правительству». В этих резолюциях сказано:

1. О Временном правительстве:

«Советы должны осуществлять самый решительный контроль над всеми действиями Временного правительства» («Вопросы истории КПСС», № 3, 1962, стр. 153). Точка зрения Ленина: контроль над Временным правительством вреднейшая иллюзия. Вся власть должна перейти к Советам снизу доверху по всей стране.

2. О войне и мире:

«Заставить Временное правительство не только отказаться от всех завоевательных планов, но немедленно и открыто формулировать волю народов России, предложить мир всем воюющим странам» (стр. 153). Точка зрения Ленина: думать, что можно заставить империалистическое Временное правительство заключить мир, значит сеять вреднейшую иллюзию. Только власть Советов может предложить и заключить такой мир.

Официальный историк партии сознательно отрицает антиленинское направление в политике ЦК этого периода, хотя признает наличие в этих резолюциях важных тактических ошибок. Вот его рассуждение: «Бюро ЦК, большинство местных организаций, редакция «Правды» в оценке продолжающейся войны стояли на ленинских позициях... Но они еще не смогли определить правильные пути выхода из войны, так как не ставили в повестку дня вопрос о переходе от первого ко второму, социалистическому, этапу революции, не связывали вопроса о войне с вопросом о власти (История КПСС», т. 3, кн. первая, стр. 36, 1967). Что верно, то верно — любой вопрос, велик ли он или мал, философский он или бытовой, Ленин непременно связывал с вопросом о власти. Во всей большевистской партии в России не нашлось ни одного человека, который мог бы предложить альтернативу Временному правительству. Только один Ленин ее нашел: Советы. Но чтобы навязать партии эту альтернативу, нужно было, во-первых, физическое присутствие Ленина в России, во-вторых, перевооружение большевизма». Тому и другому предшествовало еще одно собрание руководящих большевиков — Всероссийское совещание партийных работников 27 марта — 2 апреля 1917 г.

Протокол этого Совещания тоже опубликован после разоблачения Сталина («Вопросы истории КПСС», 1962, № 5, стр. 106—125). Только после внимательного анализа докладов, прений и решений Совещания мы поймем, что перед вернувшимся из-за границы Лениным фактически стояла задача даже не «перевооружения большевизма», выражаясь терминологией Суханова и Троцкого, а прямая задача создания новой коммунистической партии*. Через пять дней после своего возвращения — 9 апреля Ленин так и писал в газете «Правда» в статье «О двоевластии»: «Создадим пролетарскую коммунистическую партию; элементы ее лучшие сторонники большевизма уже создали» (Ленин, ПСС, т. 31, стр. 147—148). Другими словами, такой партии в России еще нет, есть только «сторонники» и «элементы»!

Как раз анализ работы названного Совещания и показывает, как глубоко прав был Ленин. Всероссийское (мартовское) Совещание партийных работников было назначено Бюро ЦК в связи с предстоящим 29 марта 1917 г. Всероссийским совещанием Советов рабочих и солдатских депутатов. Большевики депутаты этого совещания вместе с Бюро ЦК должны были обсудить как согласованную тактику партии на советском совещании, так и основные вопросы политики партии на данном этапе революции. Исходя из этого, была составлена повестка дня. Она включала следующие вопросы: 1. Об отношении к войне, 2. об отношении ко Временному правительству, 3. об объединении с меньшевиками (некоторые специальные вопросы обсуждались на секциях; были созданы секции: военная, организационная, секция по рабочему вопросу, аграрная, продовольственная, секция по местным делам). Было представлено 70 партийных организаций (из них 30 организаций были «объединенными» с меньшевиками), а всех делегатов было свыше 120 чел., то есть собралась вся элита партии («Вопросы истории КПСС», № 5, 1962, стр. 106, 123).

Из протокола видно, что на Совещании по главным обсуждаемым вопросам образовались три ярко выраженные течения: первое течение — это «революционные оборонцы» (те, которые поддерживают оборонческую линию Исполкома Петроградского Совета). Это течение представлено Войтинским, Элиава, Севруком и др. Второе течение противоположное, левое. Его возглавляют Коллонтай, Милютин, Теодорович, Молотов. Третье течение — «условная оборона» страны и «условная поддержка» Временно-

* В 1917 г. коммунистической партии не было и формально, была большевистская фракция Российской социал-демократической партии. Название «коммунистическая» партия Ленина получила в 1918 году. — Прим. редакции.

го правительства. Это течение представляет собою подавляющее большинство участников Совещания. Возглавляют его Сталин и Каменев. Особняком стоит Красиков, о котором поговорим дальше. На заседании 29 марта Сталин сделал доклад «Об отношении к Временному правительству». В отношении оценки социальной природы Временного правительства Сталин стоит на ленинской точке зрения (буржуазное, империалистическое правительство), но на вопрос о том, должны ли большевики его поддерживать, Сталин дал для большевика очень странный ответ: «Поскольку Временное правительство закрепляет шаги революции, постольку поддержка» («Вопросы истории КПСС», № 5, стр. 112, 1962). Сталин оглашает резолюцию Бюро ЦК, в которой сказано об установлении «самого решительного контроля над всеми действиями Временного правительства» через Советы. Сталин говорит, что он не совсем согласен с резолюцией Бюро ЦК, а предпочел бы резолюцию, которую принял Красноярский Совет рабочих, солдатских и казачьих депутатов. В данной резолюции говорится, что повиновение Временного правительства требованиям революции «может быть обеспечено только непрерывным давлением пролетариата, крестьянства и революционной армии» и что «поддерживать Временное правительство в его деятельности постольку, поскольку оно идет по пути удовлетворения» этих требований (там же, стр. 112, 113, 114).

Содокладчик Войтинский в основном солидаризуется со Сталиным, но только более последовательно развивает точку зрения необходимости поддержки Временного правительства, заявляя, что «Временное правительство — приказчик Совета рабочих депутатов» и что «взять власть целиком в свои руки невозможно при буржуазном строе» (там же, стр. 114, 115). Крестинский заметил идентичность точек зрения Сталина и Войтинского: «Разногласий в практических шагах между Сталиным и Войтинским нет» (там же, стр. 119). Резолюция Войтинского о том, что «определенные революционные шаги правительства должны встречать поддержку» (стр. 120, 2 примечание). На заседании 30 марта при обсуждении вопроса о внесении «поправок к резолюции Исполнительного комитета о войне» раздался, наконец, один голос, который прозвучал полным диссонансом во всей работе Совещания. Это выступление было настолько необычным и неожиданным, что вызвало не только негодование собрания, но и даже лишения слова самого оратора. Вот как протокол зафиксировал этот эпизод:

«Красиков: Суть не в поправках, не в демонстрации социал-демократических лозунгов, а в текущем моменте. Если мы признаем Советы депутатов органами, выражающими мнение народа, то вопрос не в том, какие конкретные меры приняты по тому или иному вопросу. Если мы считаем, что сейчас наступило время осуществления диктатуры пролетариата, то так и надо ставить вопрос. Физическая сила в смысле захвата власти, несомненно у нас. Думаю, что физической силы хватит как в Петрограде, так и в других городах (**движение**, голоса: «неверно»). Я присутствовал...

Председатель: Вопрос о диктатуре пролетариата не обсуждается.

Красиков: (продолжает) Раз вопрос стоит не так, то нужно ли по отношению к Временному правительству предпринимать шаги, которые...

Председатель: лишает его слова».

Бывший член ЦК Красиков (Павлович) оказался единственным ленинцем в этом зале, ибо в формуле «диктатура пролетариата» как главная задача текущего момента — момента перехода от первого этапа ко второму, социалистическому этапу, как раз и был весь смысл «апрельских тезисов» Ленина.

30 марта происходит объединенное заседание большевиков и меньшевиков по вопросу о войне. Выясняется, что у меньшевиков есть группа, близкая к большевикам (Ер-

манский), а у большевиков группа, близкая к меньшевикам (Войтинский, Севрук, Элиава, Яхонтов, Позерн и др.).

По этой линии — по линии отношения к войне — происходит раскол в большевицкой партии. Вся группа «революционных оборонцев» кроме Позерна, покидает отдельное совещание большевиков, чтобы присоединиться к меньшевикам. Потом совещание выносит специальное постановление о приглашении их обратно («Вопросы истории КПСС», № 6, стр. 135, 1962 г.).

Резолюция совещания большевиков о войне в основном повторяет то, что было сказано ранее на заседании Бюро ЦК: заставить Временное правительство предложить мир, а «вплоть до этого момента мы, отвергая дезорганизацию армии и считая необходимым сохранение ее мощи, призываем всех солдат и рабочих остаться на своих постах и соблюдать полную организованность» (там же, стр. 136).

Большевицкое совещание предложило эту резолюцию происходящему Совещанию Советов рабочих и солдатских депутатов, как проект его будущего решения о войне. Чтобы облегчить ему принятие такой резолюции, большевицкое совещание похвалило еще раз «Манифест к народам мира», который выпустил Совет 14 марта 1917 г. Сталин тогда же в «Правде» писал об этом манифесте, что «нельзя не приветствовать вчерашнее воззвание Совета рабочих и солдатских депутатов в Петрограде к народам всего мира с призывом заставить собственные правительства прекратить бойню» (Сталин, Соч., т. 3, стр. 7). Ленин же, наоборот, говорил об этом манифесте, что он «есть величайшая теоретическая путаница, есть величайшая политическая беспомощность, есть осуждение самих себя и всей своей политики...» (Ленин, ПСС, т. 32, стр. 278).

Вот эта «путаница» и «беспомощность» повторились еще раз. В этой связи интересно одно место из письма Ленина 30 марта к Ганецкому, в котором он говорит об особой ответственности Каменева: «Каменев должен понять, что на него ложится **всемирно-историческая ответственность**» (Ленин, ПСС, т. 49, стр. 423).

Большие прения на большевицком совещании вызвало обсуждение вопроса об отношении к Временному правительству. Заседание 31 марта было целиком посвящено этому вопросу. Принятая ранее Бюро ЦК по докладу и предложению Сталина формула условной поддержки Временного правительства «постольку-поскольку» подверглась на совещании критике. Под влиянием этой критики резко изменили теперь свое отношение к этому вопросу Сталин и Каменев. Каменев заявил: «Совершенно неприемлем в резолюции пункт о поддержке. Выражение о поддержке, даже как намек, недопустимо. Мы не можем поддерживать правительство потому, что оно империалистично, несмотря на свои заявления, оно остается в союзе с англо-французской буржуазией» («Вопросы истории КПСС», № 6, 1962 г., стр. 137).

«Сталин предлагает дать директиву комиссии об изменении пункта о поддержке» (там же, стр. 138).

Каменев и Сталин явно начали говорить другим языком. Чувствовалось приближение ленинского поезда к русским границам! Большинство, против 4, пункт о поддержке из резолюции исключается. В результате принимается резолюция, выработанная комиссией (Милютин, Каменев, Сталин, Теодорович), в которой уже нет формулы условной поддержки Временного правительства, но сохраняется все еще другая антиленинская формула: «**бдительный контроль** над действиями Временного правительства» (стр. 141).

Зато по другому вопросу — об объединении большевиков и меньшевиков — целиком побеждает старая линия Сталина-Каменева об объединении против врагов объединения (Молотов, Скрышник, Залуцкий и др.). На предложение лидера меньшевиков Церетели об объединении Сталин отвечает: «Мы должны пойти. Необходимо определить наши предложения о линии объединения. Возможно объединение по линии Циммервальда — Кинтала» (стр. 139).

Когда Молотов, Скрышник и Залуцкий, выступая один за другим, высказали сомнения в отношении возможности объединения из-за принципиальных разногласий между большевизмом и меньшевизмом, Сталин ответил: «Забегать вперед и предупреждать разногласия не следует. Без разногласий нет партийной жизни...» (стр. 140). Предложение Сталина об объединении с меньшевиками принимается большинством 14 против 13 голосов. Избирается комиссия для ведения переговоров (Сталин, Каменев, Ногов, Теодорович). Сталину поручается выступить с докла-

дом на объединенном собрании большевиков и меньшевиков об объединении, назначенном на 4 апреля. Этот большой заговор большевизмских верхов против Ленина имел своей целью поставить Ленина перед совершившимся фактом: перед осуществленным объединением большевизма и меньшевизма. В этом случае, конечно, Ленин, как лидер объединенной РСДРП, отпадал. Сталин-Каменев-Мартов-Церетели, — вот кто должны были верховодить объединенной партией. Ленин буквально в последние часы предупредил заговорщиков.

Георг фон РАУХ

Ленин

Профессор восточноевропейской истории Кильского университета (ФРГ) Георг фон Раух является одним из лучших знатоков советского периода русской истории. Он также автор труда «История советской России», вышедшего в США в русском переводе. Мы предлагаем вниманию русского читателя одну главу из книжки Рауха о Ленине*).

Личность и значение

В течение немногих лет владычества Ленина Россия была сильнее изменена, чем за столетия предыдущего развития. Допустимо, может быть, только сравнение с Петром Великим и его делом, которое современники Петра воспринимали тоже как огромные перемены, Петром, которого сам Ленин тоже рассматривал в каком-то смысле как своего революционного предшественника. Но тем не менее нельзя забывать преемственности между европейской петровской Россией и московской Русью. Но здесь мы видим невероятно радикальный перелом. Сменены были не только государственные и общественные формы, учреждения и главные слои общества, претерпели огромные изменения особого рода также и моральные нормы, отношения человека к государству и людей между собой в общественной и частной сфере. Впервые в истории человечества после Христа в христианской до того стране был установлен на долгое время нетерпимый атеистический режим, впервые человеческие отношения были рационализированы, стали определяться только соображениями целесообразности. Россия Ленина отличалась диаметрально как от всего остального мира, так и от дореволюционной России. Только позже, при Сталине, всплыли снова некоторые элементы преемственности.

Историческая роль Ленина заключается в достижении столь значительных изменений в кратчайший срок всего лишь нескольких лет. Хотя у него в критические моменты были помощники, игравшие иногда решающую роль, как например, Троцкий в октябре 1917 г. и во время гражданской войны, все же это ничего не меняет в значимости его личности. Его сторонникам трудно было согласовать этот факт с учением исторического материализма, согласно которому изменения являются только следствием экономического развития, а великие личности играют второстепенную роль. Один большевизмский поэт назвал однажды Ленина «величайшим винтиком» в коллективной машине. Но даже такой значительный человек, как Зиновьев, признал, что Октябрьская революция на девять деся-

тых была делом Ленина, «если в революционное время вообще можно говорить о личности». О том, как Ленина ценили в кругах революционного руководства, свидетельствуют слова Троцкого после покушения на Ленина летом 1918 г.: «Если только подумаешь, что Ленин может умереть, то кажется, что жизнь всех нас становится бесцельной, и жить больше не хочется». По мнению большевизмского историка Покровского Ленина можно было сравнить только с двумя личностями нового времени, с Кромвелем и Робеспьером, но у двух последних были свои слабости. Только Ленин является «истинным представителем прогрессивного человечества». Это сравнение довольно правильно, только дополнительные слова Покровского не соответствуют действительности. С Робеспьером Ленина связывает убеждение в необходимости сильнее революционного насилия, не стесняющегося применять самые радикальные средства. Также и другие сравнивали большевиков и меньшевиков с якобинцами и жирондистами. В один ряд с Кромвелем Ленина ставит убеждение в собственной исторической миссии, которую Кромвель связывал с осуществлением задач христианства в истории, тогда как Ленин видел в себе исполнителя железных законов марксистской историософии, хотя неизбежность этих законов сильно ставилась под вопрос волюнтаристическим элементом в Ленине.

Что помогло Ленину совершить это историческое дело? В чем заключается тайна его успеха? Прежде всего в необыкновенной силе воли и энергии этого человека, все существо которого излучало активность. Гораздо больше, чем у Маркса, Энгельса или других западных и русских социалистов, революционная деятельность Ленина была направлена на практические действия. Революции по его мнению не должны были оставаться только на бумаге, их надо было проводить в жизнь; правильное проведение в жизнь даже неважных мероприятий важнее для сохранения советской России, чем все теории. Его речи были не только пламенными призывами к борьбе, но всегда содержали практическое указание на то, как ее вести. Хотя эти речи часто бывали очень банальными, они зажигали, потому что всегда были направлены на определенную цель, на прямые действия, и заряжены такой волей, что они как бы прямо сами собой переходили в действия. Загадка деятельности его речей, как на массовых собраниях, так и в личных разговорах, лежала в их простой безыскусственности. Выражения его были часто затасканными, но они производили впечатление, потому что вместо громких героических выражений говорились повседневные слова, доходившие до каждого простого человека, до каждого безграмотного. Характерно, однако, наблюдение Суханова, который сначала, как и многие, восхищался способностью Ленина приводить к общему знаменателю сложные вещи. Суханов пишет, что по сравнению с зажига-

*) Русский перевод главы из книги: Georg von Rauch. Lenin. Grundlegung des Sowjetsystems. Musterschmidt-Verlag, Göttingen—Berlin—Frankfurt, 1957, 104 стр.

тельными речами перед революцией, речи Ленина как ответственного главы правительства были скучны, плоски и тривиальны, они были похожи одна на другую как две капли воды. Не показывает ли это, что Ленин был более велик как народный трибун, чем как государственный деятель?

Его ум без сомнения соответствовал его волеустремленности, хотя Ленин не был философом и мало был способен к абстрактному мышлению; структура его ума не была сложной, и от марксизма он прежде всего перенял готовые формулы действия, его философским учением он занялся только позже и то не очень глубоко. Зато он необыкновенно зорко подмечал ту или другую политическую ситуацию, расстановку сил, слабые места противника, изменения ситуации и представляющиеся возможности. Здесь он проявлял удивительную изворотливость и способность приспособляться, которые опять-таки соответствовали его чувству реальности, сочетавшемуся с ничем не сдерживаемой неразборчивостью в средствах.

Образ мышления Ленина был рационалистическим и утилитарным; для политических целей все средства были хороши, и моральные нормы он выводил исключительно из идеологии и партийных доктрин. Несмотря на чистую личную жизнь он был совершенно аморален в области абсолютных ценностей, в смысле отсутствия соотношения между трансцендентными нормами и личной совестью. Ему не были чужды сильные чувства. Он старался обуздать их рациональностью, но их моторная сила служила важным двигателем его действий. В кругу своей семьи, родственников, он проявлял любовь и привязанность, и его душевная связь с матерью проходит светлым лучом через все этапы его мрачно-героической жизни. Но, вероятно, он ни на минуту бы не задумался пожертвовать даже самым близким родственником или другом, если бы тот стал на пути проведения в жизнь его идей, хотя некоторые элементы великодушия и верности у него не совсем отсутствуют. Но его главным стимулом была не любовь или привязанность, а ненависть. В периоды политического напряжения или во время полемики в нем ярко вспыхивала ненависть, доводившая его до ярости, причем он весь трясся и даже физически менялся. Ненависть была самым важным двигателем во всех его действиях.

Не всегда он мог укрощать себя сдерживающей силой рассудка. От делового возражения был лишь один шаг до моральной дискредитации противника и желания его уничтожить. Другим импульсом, идущим из подсознания и являвшимся движущей силой его поступков, была жажда власти этой по самому своему существу властной и своейвольной натуры. Редко, однако, покров, прикрывавший эту жажду власти, падал совсем, как это случилось утром после революции. При всей своей личной нетребовательности Ленин был чрезвычайно эгоцентричен, отождествление личных и общественных целей казалось ему чем-то само собой разумеющимся. Сфера подсознательного ущемляла его рациональные соображения и в другом аспекте: Ленин хорошо умел понять, что необходимо делать в данный момент, но фанатизм его воли и утопизм его идей мешали ему правильно оценивать действительность в ее связи со временем и пространством. В начале 1918 г. Ленин считал, что для полного осуществления социализма в России понадобится несколько месяцев, в Совнарком он говорил, что «в течение полугода» социализм будет осуществлен. Этот идеалистический оптимизм находился в резком противоречии с весьма реалистическим подходом к проблемам данного момента. Сомнительно, прав ли Горький, когда он утверждает, что «боевой оптимизм Ленина» — это чуждая, нерусская черта; эту черту мы встречаем и у декабристов, и у народников. Во всяком случае, здесь перед нами недостаточное понимание фактора времени, романтическая и далекая от чувства действительности черта, которая в соединении с головокружительной верой в огромные возможности будущего развития человечества, за что можно заплатить любую цену жертв и страданий, ставит его в ряд мечтателей и утопистов. Уэллс

назвал Ленина «мечтателем электрификации» и тем самым правильно указал на исходный пункт его активности, на мечту о преобразовывающей силе технического усовершенствования, в которое он верил как в Евангелие. Перед его глазами еще до революции маячило видение России не только догнавшей, но и перегнавшей цивилизацию Запада. Это был остаток духа славянофильства, типичная смесь сознания своей отсталости от Запада с полным сил сознанием юного превосходства над Западом, смесь, которая стала проблемой России и Европы. Разговоры Горького с Лениным о Толстом дают об этом понятие. «Кого в Европе можно с ним сравнить?» — спросил он, и сам ответил: «Никого!» и, как добавляет Горький, «он с удовольствием потирал руки, самодовольно щурясь, как кот на солнце. «Европа беднее, чем мы», — сказал он другой раз, так что Горький приходит к выводу: «Он был русским до мозга костей с ловкой хитростью Шуйского, железной волей Аввакума, с необходимой революционеру прямолинейностью Петра Великого».

Многим наблюдателям бросались в глаза мужицкие черты в Ленине, которые у него безусловно имелись, хотя его предки были уже в трех поколениях горожанами. «Его ум, — пишет Троцкий, — это ум мужика, но возведенный в высшую степень и снабженный острыми научными методами мышления». Простая, но уверенная манера держать себя, трезвый взгляд на практические выгоды, ловкая хитрость, это были черты, помогавшие мужикам, жаловавшимся ему на свои нужды, видеть в нем своего. Но и то, что Ленин не задумывался применять насилие, роднило его с русским мужиком. Он был где-то связан с подсознательными инстинктами народа, в нем есть что-то от Пугачева, нового появления которого ждал не только анархист Кропоткин, но и панславист Погодин. Это был «народ» в специфическом русском понимании, т. е. простой народ, понятие, возникшее после европеизации, и Ленин, человек из небольшого волжского города, воплотил его, хотя воплощение этого народного духа могло произойти и совсем в другой форме.

Но с другой стороны в Ленине часто видели типичного представителя русской интеллигенции, того ее радикального слоя, который употреблял свои духовные силы как политическое оружие против самодержавия. И это верно, если вспомнить, что он рассматривал проблему руководства рабочим движением с точки зрения интеллектуального профессионального революционера, а не с точки зрения профсоюзов или делегатов совета. Если мы остановимся только на его русских духовных предках, то в их ряд следует ввести скорее Бакунина, Белинского и Чернышевского, чем Герцена. Но именно при этом становится ясно, насколько Ленин отличался от Плеханова, в котором еще жило наследие европейского гуманистического духа 19-го века. Ленин же находился вне всякого гуманизма и идеализма; он принадлежит 20-му веку, от которого Бургхардт и Ницше ожидали возвращения варварства, причем не только в России.

Тот же самый Бургхардт говорил об «ужасных упростителях», пришествие которых он предвидел. «Вы говорите, — сказал однажды Ленин Горькому, — что я слишком упрощаю жизнь, а упрощенчество угрожает культуре гибелью?» И сам дал сейчас же на это ответ: «Русской массе нужно нечто простое. Советы и коммунизм — это просто». Здесь он сам признает себя одним из тех «упрости-телей», о которых была речь. «Он был прям и прост, как и то, что он говорил; у его героизма отсутствовал всякий блеск», — пишет Горький в своем некрологе-панегирике после смерти Ленина, не замечая, что тактика Ленина часто была очень зигзагообразной, а его отношение к людям не лишено коварства и что «простота» его натуры включала в себя роковую односторонность. Ленин совершенно не понимал душевных потребностей людей, не понимал всего того, что выходило за рамки рационального и целесообразного. Он ничего не знал о глубинных силах жизни, о высшем, о тех законах, которые в действительности определяют историю человечества. Зоркий наблю-

датель Суханов заметил, что ряд элементарных истин совершенно не воспринимался Лениным и его гениальность не исключала ограниченности во многих областях. «Соединение безудержного фанатизма с тотальной слепотой ко всему, что не было связано с политической тактикой, делает его образ отвратительным», — писал Боркенау. Представление о человеке у Ленина было ограничено организацией, техникой, прогрессом цивилизации, классовой борьбой, это — сужение и искажение образа человека, который мы находим у великих культур Востока и Запада, обогатившегося под тысячелетним влиянием великих мировых религий.

Насколько резок был переворот в 1917 году, настолько сильна и ясна преемственность между ленинизмом и сталинизмом. Сталин не предал и не исказил наследства Ленина: он прямой продолжатель его дела. Во втором скачке, сжавшем в краткий период нескольких лет то, что могло бы стать предметом развития нескольких поколений, Сталин осуществил часть ленинской мечты о форме коллективизации крестьянства и в пятилетних планах индустриализации. Хотя формально это было гигантское начинание, но оно означало окончательное фиаско ленинского представления о том, что его программа принесет людям счастье на земле, так как на самом деле оно было связано с подавлением свободы и тотальным деспотическим режимом.

Несмотря на это, огромное историческое значение Ленина неоспоримо. Он положил не только для России начало новой эпохи, в которой с одной стороны плодом человеческой культуры представляется все усиливающаяся рационализация и механизация, а с другой стороны открывается клапан для взрыва иррациональных сил и демонических инстинктов человеческой породы, которые, казалось, были усмирены идеализмом и гуманизмом.

Большевизм Ленина, как подогнанная под русские условия форма марксизма, означает в культурном отношении, конечно, возвращение к примитивизму по сравнению с блестящей эпохой русского культурного расцвета 1780—1914 гг. Но одновременно Ленин открыл для России эпоху технических и цивилизаторских успехов, индустриализации, электрификации, внутренней колонизации, разработки естественных богатств и средств сообщения. Эти успехи совершил народ, встряхнутый во всех своих слоях, активированный и мобилизованный, поставленный перед неожиданно огромными проблемами. Этому грандиозно-жестокому, умоощенному жертвами и безжалостному развитию внутри соответствуют внешнеполитические успехи, которые в ходе болезненного процесса вывели Россию из Европы и в территориальной экспансии на Запад и на Восток оставили далеко за собой всякий царский империализм и создали евразийскую империю, перед которой бледнеют все пророчества Даниила и видения Апокалипсиса.

Ленинский эксперимент выходит далеко за границы России и даже за границы соседних с Советским Союзом народов Европы и Азии и затягивает в свою орбиту весь мир. Отсюда для человека 20-го столетия возникает угроза, которая выходит далеко за рамки его физического и политического существования и распространяется на самое существо его человечности.

Большевизм бросил в наше время вызов всему человечеству. Ленин, комбинируя объективные возможности и субъективные решения, был инициатором, дал толчок этим далеко идущим последствиям. Это и определяет его политическое значение и демоническое величие его личности.

В. ВЕЙДЛЕ

Каталог Эрмитажа*

Когда вспоминаются мне давно знакомые, полюбившиеся смолоду картины великих, а порой и не столь уж великих мастеров, я снимаю с полки каталог Эрмитажа. Тот самый, двухтомный, в 58-м году вышедший, который заменил все прежние. Хороший каталог, полный, где перечислены все картины музея, включая и те, что нынче не выставлены и хранятся в его запасах. Много в нем иллюстраций (хоть и среднего качества), так что я часто там нахожу воспроизведенным, а если нет, то описанным вкратце то, что мне вспомнилось. Очень часто нахожу или, верней, всегда, потому что того, чего нельзя найти, искать было бы, разумеется, нелепо.

Чего же там нельзя найти? Здесь, на Западе, это всякому ясно: картин, проданных при Сталине. Столь же ясно это хранителям Эрмитажа и, прежде всего, директору его картинной галереи, редактировавшему каталог. Но в самом каталоге не только отсутствуют эти картины — отсутствует и всякое упоминание о их исчезновении. Составителям каталога об этой продаже, в которой, конечно, не они повинны, приказано было молчать. Приказ остается в силе и по сей день, хотя дело это — давнее. Картины — и какие картины! — были проданы между 29-м и 36-м или 37-м годом. Они давно висят в различных иностранных музеях. Но в Советском Союзе об этом никогда не было сказано ни

слова. Посетители Эрмитажа, да и все те, для кого имена Рембрандта, Рубенса, Тициана, Рафаэля и другие в этом роде что-нибудь значат, или просто люди, любящие свою страну и желающие сохранения ее богатств, в известность об этом никогда поставлены не были. Культ личности был в свое время осужден, и сама личность, которой этот культ воздавался, опорочена, но лишь — наполовину: о мерзких деяниях ее распространяться воспрещено. Не подлежит огласке и этот сталинский подвиг, то ли потому, что продолжают его втихомолку — одобрять, то ли потому, что в силу круговой поруки считают разделенной ответственность за это злодеяние. В предисловии к каталогу говорится о «вероломном нападении фашистских захватчиков на Советский Союз» и об отправке картин и прочего в глубокий тыл, осуществленной благодаря «исключительному вниманию Советского правительства к сохранению сокровищ Эрмитажа». О том, однако, в чем выразилось это «исключительное внимание» за несколько лет до того, о «вероломном нападении» Сталина на эрмитажные сокровища, ни в предисловии, ни вообще в каталоге ровно ничего не сказано.

В 1964 году справляли двухсотлетие Эрмитажа, и два года спустя вышла по этому случаю книга «Эрмитаж за двести лет», коллективный труд хранителей музея, в котором излагается история и описывается состав различных его отделов, начиная со старейшего и главного — «Отделения живописи и скульптуры». О продажах и тут — ни слова. Говорится, конечно, о приобретениях — при Екате-

* Из книги «Безымянная страна». Париж, YMCA-Press, 1968, 166 стр.

рине, Александре I и т. д., но обходятся самым тщательным молчанием те поступившие в музей картины (и скульптуры), которых там больше нет. Выходит, что их в музее никогда и не было. Несчастные составители книги вынуждены в этом пункте лгать, и любой осведомленный ее читатель (например, заглянувший в любой старый каталог) не может их не считать лжецами. Как это ни грустно, но лжец по принуждению остается ведь все-таки лжецом. А уж те, кто помнит эти картины, кто видел их в музее...

Читаю, например, что нидерландский XV век «представлен шестью картинами, из которых наиболее выдающимся считается редкий диптих Флемальского мастера — «Троица» и «Мадонна с младенцем». Как же мне при этом не подумать: вам п р и х о д и т с я это писать, хотя две эти картины быть может лишь старинные копии и к лучшим вещам их автора во всяком случае не принадлежат. Прежде не пришлось бы, когда «Благовещение» Яна ван Эйка находилось не в Вашингтонской Национальной Галерее, а у нас, и когда рядом с ним висели у нас две створки складня «Распятие» и «Страшный суд» того же ван Эйка или быть может старшего его брата, принадлежащие нынче главному музею Нью-Йорка. Приобретены они были в Испании нашим послом Татищевым в 1845 году и завещаны им Эрмитажу, а «Благовещение» поступило туда при Николае I из знаменитого собрания голландского короля Вильгельма II, проданного с аукциона в 1850 году. Лишившись этих картин, весь этот отдел музея (включая и нидерландский XVI век) лишился лучшего, что в нем было. Покинули его к тому же и самые замечательные портретные работы этой школы. Портреты сэра Томаса Грешема и леди Анны Грешем кисти Антониса Мора нынче висят в амстердамском Рейксмузее; они поступили в Эрмитаж при Екатерине, в составе полностью приобретенного ею знаменитого собрания Роберта Уолпола. Осталось в этом отделе интересного и хорошего довольно много; совсем первоклассных картин в нем больше нет.

Читаю дальше, о фламандской живописи XVII века: «Исключительно богата коллекция картин Рубенса» или: «Двадцать пять картин, преимущественно портреты, ван Дейка». Но где же все-таки несравненный рубенсовский портрет Елены Фоурмент во весь рост? Где лучший наш ван Дейк — портрет Филиппа Уортона? Другой, менее замечательный, портрет лорда Уортона в Эрмитаже остался, но этот, вместе с Еленой Фоурмент, отплыл отсюда, можно сказать, на первом же корабле. Еще в тридцатом году покойный друг мой Жарновский получил от бывшей своей сослуживицы по Эрмитажу без труда расшифрованную им открытку, где было сказано, что неожиданно для всех хорошо ему известная Елена Ф., в сопровождении англичанина Филиппа, отправилась за границу, куда, по видимому, уедет и Титус Р. и Мария Альба, а быть может и другие их друзья. Действительно, последовали вскоре и другие отъезды: продана была и Мадонна Альба Рафаэля, и тот удивительный портрет, где высвечивает из глубокой ночи болезненное лицо Титуса, сына Рембрандта, — ну и пошло, поехало. Открытку я помню хорошо: первые две картины наверняка в ней были упомянуты, относительно двух других я менее уверен; но все равно: были, во всяком случае, проданы и они (Рембрандт — парижскому виноторговцу Этьенну Николя, он теперь в Лувре; Рафаэль — Эндрю Меллону, американскому богачу, бывшему министру финансов; картина теперь в Вашингтонской галерее).

Продолжаю чтение. «Давно завоевала мировую известность коллекция картин Рембрандта, насчитывающая 25 произведений». Невинная, как будто, фраза, но как фальшиво и — прошу прощения — как глупо она звучит для всякого, кому известно что холстов Рембрандта в Эрмитаже было не двадцать пять, а сорок! Ну а вы, составители, — скажет такой читатель, — разве вы этого не знаете? Как же это вы так бойко пишете о «двух первоклассных мужских портретах Франса Хальса», когда их было у нас до покупки двух тем же Меллоном четыре, а не два? Куда же

годится исторический обзор, в котором об этом не упомянуто? Но вернемся к Рембрандту. Четыре его картины не были проданы, а были переданы Пушкинскому музею в Москве; но другие не хватающие, куда же они делись? Вы молчите, но ведь вы прекрасно это знаете. Титуса купил у Сталина мсье Николя. Другой портрет, его же (в шлеме и со щитом, называвшийся у нас Паллада-Афина) и портрет старика, сидящего в кресле, с тростью в руках, выторговал у него же нефтяник Гюльбенкиан (в октябре 30-го года; обе картины находятся теперь в Лиссабоне). «Отречение Петра» — одну из значительнейших поздних картин мастера — приобрел три года спустя Амстердамский музей, вместе с еще одним портретом Титуса в монашеском одеянии, с капюшоном, того же 1660 года, что и «Отречение». Чудесный этот портрет, с таким нежным светом на улыбающемся лице, сперва был «национализирован», поступил в Эрмитаж из Строгановского собрания, а затем верховный национализатор за хорошие деньги предоставил национализировать его Голландии. Около того же времени нью-йоркский антиквар Нёдлер (Knoedler), в той же национальной лавочке, для Меллона, купил «Иосифа и жену Пентефрия», «Портрет молодой женщины с цветком»; а затем и спокон веков прославленный «Портрет польского вельможи» (прежде называвшийся Яном Собеским) сбыт был тогда же лавочником с рук, как и «Девушка с метлою», как — в придачу к этим эрмитажным — и еще одна строгановская картина (пейзаж); купил и ее мсье Николя, подарил и ее Лувру. В результате столь бойкой торговли наше единственное в мире по богатству собрание Рембрандта (сорока его картин не было и нет ни в каком другом музее) первенство свое утратило, и если превыше всех слов чудесное «Возвращение блудного сына» и сохранило, то лишь по недомыслию покупателей или потому, что не развязали они вовремя кошелек: всем было известно, что кремлевский старьевщик охотно распрощался бы с ним за четыре миллиона долларов.

Вообще на Западе все, кому ведать надлежит, знали, что через крупных торговцев картинами, выбрав по каталогу, можно было купить любое из эрмитажных сокровищ. Широкой огласки делам этим не давали, действовали не спеша, умножать числа покупателей не стремились, а продавцу было объяснено, что распродавать Эрмитаж с молотка или вообще оптом невыгодно: это вызвало бы на антикварном рынке немедленное и безудержное падение цен. Именно «железному» этому закону спроса и предложения наш музей и обязан тем, что насчитывает все еще 1313 голландских картин, из которых выставлены 426, и 576 фламандских, из которых выставлены 171. Цифры эти, как и другие, не без намерения щедро приводятся в книге об Эрмитаже за двести лет. Но ведь тридцать пять сохранных Воуверманов ни на каких весах не перевесят и одного проданного Рембрандта; да и портрета Елены Фоурмент не заменит ни один из многочисленных оставшихся у нас Рубensoв, хоть и сохранили мы каким-то чудом среди них изумительные эскизы декоративных сооружений, воздвигнутых в Антверпене по случаю въезда инфанта-кардинала, нового правителя Нидерландов. Количество во всем этом деле ровно ничего не значит сравнительно с качеством. Покупатели нашего национального имущества хорошо это знали, да и услужливый их поставщик, видимо, смекнул, что есть расчет продавать лишь самое лучшее и дорогое...

*

Вот я двухсотлетие Эрмитажа и справил, отложил в сторону книгу, плохо ознакомившись с историей других его отделов (ограбленный был ведь все же, да и остался, главным); перелистываю вновь те толстые два тома — печальный каталог, печальный оттого, что в нем нет картин, которые были в старых каталогах; да и не только печальный, а еще и жалкий, презрения достойный, оттого что об отсутствии их должен молчать, и молчит.

Раскрываю первый том: итальянская, испанская, французская живопись. Рафаэль. Его ранняя «Мадонна Конестабиле», что и говорить, мила; и «Мадонна с безбородым Иосифом» — тоже вещь хорошая. Но ведь «Мадонна Альба» была куда значительнее, а с ней вместе, работами Меллона, и прелестный маленький «Святой Георгий» переселился в Вашингтон, как и — все его же стараниями — одна из лучших вне Италии картин Боттичелли «Поклонение волхвов», а также триптих Перуджино, так называемый Голицынский (по его прежнему владельцу), одно из наиболее живых и совершенных произведений этого мастера, и одно из последних эрмитажных приобретений Меллона: он его купил в 36-ом году. Но еще до этого приобрел он (а затем передал той же галерее) самого необыкновенного нашего Тициана, «Венеру перед зеркалом» — вещь редкостной сохранности и волшебного мастерства. Больше сорока лет прошло с тех пор, как я ее видел в последний раз; а помню отчетливо теплоту, расплавленность письма, просвечивающий повсюду грубый холст и с неизъяснимой легкостью положенные на него красочные мазки, из которых рождаются, Бог знает почему, и бархат, и мех, и плоть, и пестрое крылышко держащего зеркало амура. Была у нас среди итальянских и еще одна исключительного волшебства картина — «Пир Клеопатры» Тьеполо. За нее боялись. Живопись ее казалась хрупкой. В конце первой войны, при отправке картин в Москву, большое полотно это свернули. Когда разворачивали после возвращения, Александр Николаевич Бенуа заплакал от радости: «Пир Клеопатры» был невредим. Но в Кремле не дремали: нынче он составляет главное украшение Мельбурнской картинной галереи.

Лучший наш Веласкес, погрудный портрет папы Иннокентия X — эскиз для большого портрета в римском палаццо Дориа-Памфили (или собственноручное повторение центральной его части) также был приобретен Меллоном и подарен Вашингтонской галерее. Лучшие наши картины старых французских мастеров тоже переплыли океан, хот и не все на его счет, и попали — «Мальчик с карточным домиком» Шардена сюда, «Меццетен» Ватто в Нью-Йорк, а «Триумф Амфитриты» Пуссена в Филадельфию. Два пейзажа Гюбера Робера (у нас их много, но не все столь хороши) приобрел Гюльбенкиан, и он же — восхитительную мраморную «Диану» Гудона. Сам скульптор продал ее Екатерине; морским путем прибыла она в 1784 году в Петербург; морским же путем в 1930 году была — за ненадобностью, должно быть — отправлена обратно. «Обойдемся и без нее. Обойдемся и вообще без всего этого барахла, тем более, раз ослы-буржуи готовы платить за него фунты и доллары». Нечто подобное, нужно думать, попыхивая трубкой, бормотал себе под нос ломовой извозчик, в те годы правивший Россией и стегавший ее, свою клячу, по глазам. Мог ли он мыслить иначе? Денежки заграничные всегда могли ему пригодиться для его заграничных темных дел. Ну, а там «Тьеполо», «Ватто» — забавных этаких слов ему и выговаривать никогда не приходилось. Да и не такие числятся за ним дела: в крови он по горло — не за холст, не за олифу счет ему предъявлять. С него и взятки гладки.

Но печаль-то вся в том, что насчет казней и лагерей у наследников и бывших сообщников его все же вырвался вопль, а об этом — не мокрым, а всего лишь гнусном деле хранят они прехладнокровное молчание, никому, вместе с тем, и пикнуть о нем не разрешая. Вот и выходит — понимаете ли вы это, властители и судии? — что сама Россия всех этих Тицианов и Рембрандтов и Рафаэлей выбросила за окно — на что, мол, они, обойдусь и без них; что сама Россия, включая ее художников, писателей, историков, музейных работников, всю интеллигенцию ее, о позорном этом деле молчит просто потому, что не считает его позорным и вовсе не испытывает потребности высказать сожаление о нем и кого бы то ни было в нем винить.

Я — русский и знаю, что это не так. Но перед иностранцами — эх вы, хозяева страны — стыдно мне: за Россию стыдно.

*

Так-то порой и расстроюсь совсем, перелистывая эрмитажный каталог. Начнешь с воспоминаний, добрых и светлых, а подумаешь о том, как обезглавили музей, сливки сняли с его картинной галереи, и почувствуешь горечь, злобу, но всего острее именно стыд, при мысли о том, что молчат и молчат об этом тридцать лет, восхваляя, как ни в чем не бывало, заботу властей, «исключительное внимание Советского правительства к сохранению сокровищ Эрмитажа».

Подымаюсь мысленно вновь меж блестящих желтомраморных стен по лестнице, именуемой нынче «халтуринской» (хотя покушался Халтурин, да и то неудачно, спровадив на тот свет ни в чем неповинных людей, не тут, а рядом, на царя, а не на картины; назвали бы ее лучше «сталинской»); подымаюсь по лестнице этой, как бывало, как в последний раз утром, в день отъезда — 1924 год, июль... Поднимаюсь медленней, чем прежде, по лестнице, довольно крутой, и предвкушаю... Нет, ничего я не предвкушаю: думаю невольно не о том, что увижу, а о том, чего не увижу. Вкрадчивый чей-то голос утешать меня пытается:

— Нечего грустить. Вот сейчас с площадки налево заглянешь и в колонном зале, на Миллионную выходящем (то есть, тфу, Хал... но все равно) твоего Пуссена и найдешь: «Пейзаж с Полифемом». Прислонись к колонне и гляди, как глядел, словно во сне, когда было тебе всего четырнадцать годков, да и позже сколько раз... А если не там он, экая беда? В Эрмитаже он, ты ведь знаешь: «Амфитриту» продали, а не его. И парную к нему картину, «Геркулеса и Какуса» не продали, а в Москву отправили.

— Это зачем же? Послали бы другое что-нибудь. Кто же этих двойников разлучает? Я и тот пейзаж, почти так же, как этот, любил, да и «Амфитриту»... Не хватает мне ее...

— Ишь ты — не хватает! Поезжай в Америку. Существует «Амфитрита» — будь доволен и тем. А двойников они чуть ли не всех поделили. Так, мол, справедливей. Половина тут, половина в Москве. Не в Эрмитаже это придумали, и не музейные, конечно, люди. Другие, надмузейные. Они эрмитажных спросили: у вас французишки этого допотопного сколько осталось холстов? Те подсчитали: всё, что могли, присчитали; говорят: семнадцать. Что ж, мало вам этого, что ли? Согласись, ведь немало. Да и хороших осталось четыре или пять. На этот манер и обо всем прочем суди. Ведь и под вожжой Джугашвили, кроме ван Эйков, ни одной картины не продали, которая была бы единственной ее автора в музее. О всех прочих знаменитостях, ежели спросят, есть они у вас в Эрмитаже? — ответ будет всегда: были, значит, и есть. Из бесчисленных посетителей, огромное большинство ни о каких исчезновениях и не подозревает. «Мадонна Альба» одно время заменена была копией; покрасовались тут и в других залах извещения: «Картина в реставрации»; но теперь развеска новая, и все это давно забыто. Забудь и ты. Зачем тебе портить удовольствие — свое, да быть может и чужое? О своем ты только подумай: разве ты тициановских Севастьяна и Магдалину не любил, а лишь одну «Венеру перед зеркалом»? Разве нежнейшее «Поклонение Богородицы и ангелов Младенцу» Филиппино меньше тебя умиляло, чем Боттичеллиевое «Поклонение волхвов»? Или «Юдифь» (быть может, и впрямь Джорджоне) меньше интриговала и привлекала, чем тот — превосходный, правда — Перуджино, который ведь к особым твоим любимцам никогда не принадлежал? Вот и входи — пусть хоть мысленно — в итальянские залы, восхитайся, как прежде, скорбным, вечерне-серебристым, словно похолодевшим «Плачем над снятым с креста Спасителем» Веронезе, еще недостаточно оценен-

ным (оттого его, вероятно, и не продали), да и многим другим... Караваджо не забудь. На большого Прокаччини (Джулио Чезаре) погляди, перед которым восьмидесятилетний Липгардт, видимо забыв, кто ты, на изысканнейшем французском языке времен Второй Империи тебя спросил: «Как вы находите лицо Мадонны? Я им очень горжусь. Это, в сущности, теперь моя работа». Поблагодари в испанском зале Сурбарана за «Святого Лаврентия», которым, еще в отрочестве твоим, он тебя пронзил и покорил; поклонись «Поклонению пастырей» Майно, этого итальяно-испанского почти-Ленэна: Луи Ленэна (имя его не произносится «Майно», как воображают в Эрмитаже); разыщи Мурильо с большим ландшафтом, удивись ему опять. А потом будут тебе и Рубенсы, Иордансы и мало ли еще что, и на цыпочках войдешь ты в рембрандтовский зал...

— Перестань, перестань, — отвечаю я, усевшись на тяжелый диван спиной к огромному Каналетто («Прием французского посла в Венеции»), — я отлично знаю, что много знакомого, мною любимого здесь осталось; знаю, что и прибавилось многое — путем реквизиции у частных владельцев, с ликвидацией оных или без нее (этого на картинах не прочтешь); но чем же это может поправить то непоправимое, что было сделано? Ни одной картины, равной по качеству и значению проданным, Эрмитаж не получил ни после продаж, ни в годы, предшествовавшие продажам. Лишился он всего тридцати пяти или сорока картин, — из них нынче двадцать одна в Вашингтонской Национальной Галерее — но эти сорок картин составляют две трети лучшего, что в нем было. Если последнюю треть убрать, останется огромная галерея, но... Да не стоит об этом и говорить.

— Ты меня перебил, но я ведь собирался не только о твоём собственном удовольствии сказать, которое ты зря себе портишь, но и о чужом. Мысленно ты, ясное дело, в роскошном одиночестве по залам гуляешь да по диванам восседаешь; а ведь тут каждый день — полным полно, протолкнуться нельзя. Видел, небось, в «Эрмитаже за двести лет» картинку «Культпоход рабочих Ижорского завода»? Чуть не приступом собираются взять Зимний дворец и музей. Только снимок этот был сделан почти двадцать лет назад. Теперь и походов не надо, сами идут. Много молодежи. Недохвата картин заметить нельзя. Знаменитые имена, как и прежде, все налицо. Эти люди довольны...

— Они довольны, но ведь они все-таки обмануты. Если бы у хозяев страны была совесть, соответственное министерство разрешило бы или порекомендовало дирекции Эрмитажа где-нибудь неподалеку от главного входа в картинную галерею разместить на щитах фотографии всего того, что было сплавлено за границу, а в предисловиях к ее каталогам прилежно об этих продажах упоминать, и, кроме того, выпустить отдельную книгу или брошюру, где вся история их была бы полностью изложена. Но ничего подобного не делается. Делается обратное: даже иностранным авторам, издающим за границей книги об Эрмитаже, внушается (очевидно, под страхом неполучения иллюстрационных материалов) о продажах не упоминать. Накануне пятидесятой октябрьской годовщины вышла очередная книга такого рода, весьма роскошно изданная. Ее угодливый составитель о продажах не заикнулся, зато превознес Эрмитаж до небес: один лишь Лувр может с ним сравниться (что было ложью и прежде, но стало сугубой ложью после продаж), а также соловьем расщелкался насчет того, что, будто бы, до революции музей был мало кому доступен. Очевидно, я сызмалу принадлежал к совершенно особому «счастливому меньшинству», а то и приходился родственником, сам того не зная, покойному государю. К счастью, не обо всем одинаково удобно лгать за границей и лгать у нас. Небылицами о западных порядках удобнее потчевать тех, кто не бывал на Западе; сеять клюкву насчет прежней России можно и в России, но не столь бес-

препятственно, как среди тех, кто не имеет о ней ни малейшего понятия. Составители книги о двухсотлетию музея все-таки пишут: «Накануне первой мировой войны Эрмитаж посещали до 180.000 человек в год». Нынче посетителей этих, как и западных музеев, во много раз больше — так много, что они, как и на Западе, мешают друг другу. Увидеть по-настоящему то, что видишь, становится трудно. Не в этом, однако, дело: здесь ведь и одним глазом не увидишь того, чего тут больше нет.

— Ты все о своем. Да им-то, сотням тысяч, миллионам — какое до этого дело? Огромный, великолепный музей! Они здесь учатся, пополняют образование или — как это говорится? — повышают культурный уровень. Не все ли равно — если думать о них — увидят ли они еще одного Тициана, еще одного Веласкеса и вообще те картины, которые они прежде могли бы здесь увидеть? О чем ты хлопчешь? О чем горюешь? Хлопочи, чтобы воскресли отцы этих людей, погибшие здесь во время войны, замученные в лагерях при Сталине. А если ложь тебе так уж противна, горюй о том, что вся «власть советов» только и держится ложью; что всю пятидесятилетнюю историю свою она изображает лживо; что не лжет она только в тех случаях, когда решительно никто не поверит ее лжи. Да ведь и вся ложь гда не видит надобности лгать, или когда знает твердо, что насчет этих картин заключается просто в молчании, в утаивание истины. Уж если бы они от э той лжи отказались, в таком безгрешном, для них, грехе покаяться, — как бы высмеял их тот мертвец, что заменяет им совесть, их божок, главный их божок...

— Знаю. Но живые — те, что здесь толпятся целый день, или хотя бы лучшие из них — разве не заслуживают они, чтобы им сказали правду? И разве они все, даже и лучшие эти, только для наглядного обучения сюда и ходят? Для обучения чему? Довод этот мне кого-то напомнил. В живых его нет. Да я его и не знал. Федор Иванович Шмит. Странно, никогда его не видел, и все же лично к нему — не просто к писанию его — отношу то чувство, которое всплыло во мне, когда я о них вспомнил. Горестное чувство: смесь отвращения с жалостью и с остатками уважения.

*

До-октябрьский Федор Иванович был доцентом Харьковского университета и очень неплохим византинистом, первым издателем знаменитых мозаик константинопольской церкви Хора (Кахрие Джами). В середине двадцатых годов вышел (на немецком языке, в Берлине) другой его весьма ценный труд, еще до войны приготовленный к печати: издание столь же знаменитых и более древних мозаик церкви в Никее, тем временем погибших (церковь разрушили турки во время греко-турецкой войны). Но тем временем разрушению подвергся и сам Федор Иванович: Октябрь (это не единственный случай) свернул ему на-сторону и сознание и совесть. Византийские свои штудии он забросил, а историю искусства стал перекраивать на марксистский лад — тем грубейшим способом, который несколько лет спустя более мозговитыми марксистами (даже в Советском Союзе) был объявлен «вульгарным социологизмом» и тем самым был ошельмован (нужно надеяться — навсегда). Карьеру сделать он, однако, успел: был назначен директором Всесоюзного Института истории искусства. Тогда же (в 1925 году) вышла излагающая его или вскоромленные им в себе воззрения книга «Искусство», а в 32-м году, то есть уже после того, как началась продажа эрмитажных картин, появилась на французском языке, в журнале «Музей», издававшемся Комитетом интеллектуального сотрудничества при Лиге Наций, его статья, частью резюмирующая те же теории, частью же ведущая их дальше, в сторону оправдания (хоть и всего лишь подразумеваемого) тех практических мер, о которых там прямо не говорится, но которые как раз тогда были в отношении Эрмитажа приняты.

Рассуждал Федор Иванович как нельзя более просто. Все привычные толки о безотносительной ценности искусства объявлял он совершенно устаревшими. Художник — представитель своего класса. Произведения его выражают потребности, цели и чувства этого класса, чем их форма, как и их содержание, строго предопределены. Искусство было во все времена агитационным, рассчитанным на классовую пропаганду. Нечего поэтому восхищаться мастерами, превозносимыми до небес в капиталистическом мире, и наполнять их изделиями музеи пролетарской страны. Все старое искусство — «старым надо почитать все, что сделано до 1917 года: оно доисторично» — может иметь «для нас» не больше, чем документальный, социологический интерес. Джотто надлежит ценить как представителя феодальной эпохи. Рафаэль, хотя и писал Мадонн, выражает в своем искусстве первую волну капитализма — в этом и все его значение. Отчего искусство Тинторетто столь трагично, столь мрачно? Буржуазные историки этого не знают, а мы знаем: в середине XVI века Венеция потеряла монополию на ввоз соли в Европу — как тут не помрачнеть? Все эти важные исторические свидетельства не следует уничтожать, как и воспевающие сытое мещанство картины Рубенса, Хальса или французских мастеров прошлого века. Но музеи, обладающие ими, должны заботиться прежде всего о надлежащем их истолковании. Письменно и устно необходимо твердить посетителю о феодализме, капитализме и всех вообще социальных предпосылках того, что он видит перед собой, дабы он извлек из памятников старого искусства все содержащиеся в них уроки. Советские музеи в этом деле давно перегнали отсталый буржуазный мир...

Статью свою впадший в детство от подобиюстрастия, хоть совсем еще и не старый Федя Шмит кончал восторженной похвалой советской музейной политике. Отдавал ли он себе отчет в том, что бок-о-бок с Тинторетто (чи холсты чаще бывают потемневшими, чем мрачными) Веронезе писал радостные свои холсты — Бог весть; но ничего не зная об утечке картин из эрмитажной галереи он не мог. И, конечно, его статья даже и этого рода «музейную политику» полностью оправдывает. Если Рубенс и Рафаэль ценятся лишь как поставщики классовых исторических документов, то кому же, кроме капиталистов, нужны оригиналы их картин? Да и приличных размеров фотография с картины Тинторетто дает ровно столько столько же матерьяла, как она сама, для недомыслия по части соляной монополии. Копии, фотографии следует даже и предпочесть оригиналам: они менее способны привлечь внимание зрителя еще и чем-нибудь другим, кроме своих классовых качеств. А если так, то, распродавая Рафаэлей и Рамбрандтов, мудрая власть проявляет не только хозяйственную, но и более высокую мудрость.

Следовало бы распродавателю, переслюнив бумажки, еще и наградить Федю орденом Красного Знамени.

*

Прошло много лет. Отмалчиваются. Продолжают молчать. Зато любят распространяться о «просветительной» или «научно-просветительной» работе музея. Но, по мнению нынешних хозяев, по их партийному мнению, чему же должны «массы» обучаться, как не тому, чему любая картинка в курсе политграмоты с таким же успехом могла бы их обучить? Благоглупости о соляной монополии и другие в том же роде сданы в архив, но отнюдь не самый принцип партийной идеологической муштровки и не «классизм» как одна из основ этой идеологии. Без «классизма» и представить ее себе нельзя, как идеологии гитлеровской без расизма. Но и независимо от этого, покуда, вы, нынешние, ясно, во всеуслышанье не осудили Сталина за его «музейную политику», как же нам не опасаться, что вы еще и сами к ней вернетесь? Покуда вы от Сталина, перечислив все гнусные дела его, не отрелились, как же нам —

то есть как России — верить, что вы не вернетесь к Сталину?

Бог с ним, с каталогом, и с книгой о двухсотлетии музея. Нет, лучше их с полки не снимать, лучше не вспоминать. Вот я теперь от печальных мыслей этих и оторваться больше не могу: все воображаю себя на том диване, спиной к «Приему французского посла». На левой от меня стене, сразу после двери, — великолепный Строцци «Исцеление Товита» (какой он был колорист в лучших своих вещах!), а направо, посреди залы, «новое приобретение» (даровое, у Мусина-Пушкина взяли): «Гибель Адониса», мраморная группа, риторически «роскошная» (но превосходная все же) Маццуолы. Сейчас встану — хочу поближе посмотреть «Юную Деву Марию посреди подруг», нарядную, не по-домашнему, большую картину Гвидо Рени редкостных светлых тонов, столь занимавшую меня — в детстве? Да, почти что в детстве. Но тут — чьи-то шаги в соседнем зале, кто-то идет сюда, в «Большой просвет». Начальство здашнее? Да ведь это университетский мой товарищ! Поседел, постарел, как я, но узнаю. И здесь, в этих залах, позже мы с ним встречались. Он уже служил тут. Поступи сюда и я, дослужился бы, пожалуй, до его чинов. А в тридцатом году, когда, Елена Фоурмент «уехала за границу»... Брр! И этот обет молчания. Чего он только не натерпелся — и тогда, и за все это время... Владимир Францевич, милый! Но что же я ему скажу? Обнял бы его, а потом? «Друг мой, не хотел бы я быть на вашем месте. Как это вы...»

Слава Богу, что это — мечта, пустая, пустая мечта.

Н. ТЕОДОРОВИЧ

Архиепископ Ермоген (Голубев)

Архиепископ Ермоген (Голубев) является выдающимся иерархом Русской Православной Церкви, жизненный путь и судьба которого в СССР должны быть известны тем, кто интересуется подлинным положением этой Церкви и ролью ее высшего управления — современной Московской Патриархии.

Ранние биографические сведения об архиепископе, кроме того, что он рожден, по-видимому, в 1895 г., отсутствуют. Известно, что, до избрания его на епископский пост, он был настоятелем собора в г. Самарканде. Чин наречения его в епископа был совершен 27 февраля 1953 года в патриаршем (Богоявленском, Елоховском) соборе г. Москвы. Чин наречения совершали: Московский и всея Руси Патриарх Алексей, митрополит Крутицкий и Коломенский Николай (Ярушевич) и архиепископ Можайский Макарий (Даев). В слове при наречении архимандрит Ермоген говорил о том, что с глубоким смирением склоняет голову перед Державной волей Божией и избранием его Патриархией на высокий епископский пост. Просил у Бога помощи в предстоящем ему служении, рассказывал о своей к нему подготовке:

«Для Господа я еще в дни своей юности отказался от многого, что так привлекает человека в этом мире. Ему я отдал свое сердце, для Него работала моя мысль, Ему служила моя воля. И если я, как человек, согрешал, то никогда от Него, своего Господа, не отступал, всегда был верен Святой Его Церкви и рука моя никогда не простиралась к богу чуждому»¹⁾.

Далее он говорил, как, задумываясь о «невозделанных церковных нивах» и «незасеянных церковных полях»

¹⁾ Журнал Московской Патриархии (ЖМП), 1953, № 3, стр. 19—20.

(поскольку в стране не хватало священнослужителей), хотел услышать голос обращенный к нему, как некогда к пророку Исаии — «кого послать?» и готовил ответ: «пошли меня»... Как тут же, страшись своего дерзновения, он снова и снова помышлял о своем недостойнстве для высокого духовного призвания.

В такой настроенности архимандрит Ермоген всецело доверялся своему Патриарху, в котором видел тогда благостнейшего пастыря и отца, и обещал усвоить принципы его первосвятительства: верность Церкви, ее канонам и преданность родине. В молитвенном финале своего пропниконовенного слова он просил у Бога излияния на него даров Св. Духа, чтобы умножилась в нем вера, очистилось сердце, освятился его путь; чтобы дар его молитвы помогал другим молиться, чтобы сила его слова приводила людей к вере, чтобы быть ему не только возвестителем Закона Божия, но и первым его исполнителем²).

Посвящение архимандрита Ермогена в епископа Ташкентского и Среднеазиатского было совершено тем же собором архипастырей 1-го марта 1953 г. При вручении новопосвященному архиерейского жезла Патриарх Алексей назидал его, между прочим, следующими словами:

«Промысл Божий привел тебя, можно сказать, в преполовении лет твоих к высшему служению Церкви Божией в сане епископа. Имея многолетний опыт пастырского служения, еще измлада наыкнувшись к разумению Божественного Писания, умудрившего тебя... ты, можно надеяться, неколеблющимися стопами вступаешь на этот новый для тебя путь архипастырского делания... Ты исповедал перед лицом Церкви доброе исповедание... Учи тому, что ты исповедал и поступай так, как ты обещал»³).

Патриарх говорил еще о божественной и драгоценной цепи посланников Господних и о «великой ответственности, какая лежит на епископе». В заключение назидал совершать служение «в духе пастыря доброго, душу свою полагающего за овец...»

*

Став архипастырем Ташкентской епархии, епископ Ермоген с исключительной энергией, в соответствии с законодательством страны, осуществлял обещанное им и порученное ему Патриархом. В заботе о верующих своей епархии он приобрел любовь и авторитет. Несмотря на козни местного актива атеистов, добивавшихся закрытия храмов, ему (как об этом стало известно впоследствии), удалось не только отстоять все храмы своей епархии, но осуществить, поистине, невиданное (по тем обстоятельствам) в стране — вместо старого собора, бывшего «в катастрофическом состоянии», построить в Ташкенте новый кафедральный собор, вмещающий до 3 000 богомольцев, украшенный художественной росписью и орнаментом⁴).

Патриарх по достоинству оценивал заслуги епископа. Ко дню освящения нового собора в 1956 г. епископ Ермоген был возведен в сан архиепископа. Неоднократно Патриарх отмечал его деятельность рядом одобрительных резолюций. Одна из таковых гласила:

«Можно только порадоваться широкой и плодотворной деятельности Преосвященного и его ближайших помощников под его непосредственным руководством. На многое можно указать как на образцовое для принятия и усвоения в других епархиях. Божие благословение добре

труждающемуся во славу Божию и на благо Святой Церкви»⁵).

Церковные успехи архиепископа вызвали против него озлобление со стороны местных советских властей. Они стали добиваться пресечения его деятельности, создавая «осложнения». Одним из таких — явился категорический отказ архиепископа «помочь» местному уполномоченному Совета по делам Русской Православной Церкви, Вороничеву, закрыть храм в с. Луначарском под Ташкентом. Последующие «осложнения» возникали в течение всего периода строительства собора. Когда в 1960 году курс советской церковной политики изменился в сторону подавления какой бы то ни было церковной активности, — наступление на архиепископа со стороны атеистов усилилось. Была мобилизована местная печать, обрушившаяся на него с клеветническими обвинениями. В газете «Правда Востока» от 10—20 июля 1960 г. архиепископ и члены церковного совета были обвинены в расхищении церковных сумм на личные прихоти. В той же газете от 3-го и 15-го сентября того же, 1960 года, архиепископ был обвинен в утаивании сумм подоходного налога. Архиепископ, естественно, искал защиты в Патриархии, которая еще совсем недавно имела мужество обличать в своей официальной печати «хулителей имени Божия»⁶), возвышать свой голос в защиту Церкви. Однако, как показала практика, в 1960 г. ведущий состав Патриархии, частично замещенный, частично пополненный новыми людьми, уже целиком был подчинен новым инструкциям Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР.

Когда архиепископ, повстречавшись в Патриархии с постоянным членом Священного Синода, митрополитом Питиримом (Свиридовым), поделился с ним своими «осложнениями» с уполномоченным в Ташкенте, он услышал из уст митрополита невероятный, с точки зрения христианской и тем более святительской совести, ответ:

«Поступайте так: когда придет к вам на прием священник или член церковного совета по какому-либо церковному вопросу, выслушайте его, затем направьте его к уполномоченному с тем, чтобы, побывавши у уполномоченного, он опять вернулся к вам. Когда он вернется и вам доложит об этом, вы позвоните уполномоченному и спросите, что он сказал вашему посетителю. И то, что сказал ему уполномоченный, — то же самое скажите ему и вы...»⁷)

Духовный уровень архиепископа Ермогена, его личное призвание к служению Церкви не могли бы позволить ему совершать свое служение такими путями. Прекрасно понимая цели богоборческой власти, архиепископ, как он это изложил в своем письме Патриарху от 20-го февраля 1968 г., считал, что отсутствие «осложнений» между епархиальным архиереем и советскими чиновниками часто является не чем иным, как «показателем безразличия к порученному делу и беспринципности» епархиального духовенства⁸).

Архиепископ не создавал «осложнений» по злой воле или искусственно. Из его объяснений Патриарху видно, что он всегда действовал в точном соответствии с основным советским законодательством о Церкви и протестовал и обжаловал действия советских чиновников только тогда, когда с их стороны имели место произвольные его нарушения или злоупотребления властью.

Патриархия не нашла нужным вступать в конфликт с Советом по делам Церкви из-за архиепископа, даже и

²) ЖМП, 1953, № 3, стр. 20

³) ЖМП, 1953, № 3, стр. 11—12.

⁴) „Der Heilbronnen“. Ein Blatt für Gemeindeglieder der Evang. Kirchengemeinde „Zum Heilbronnen“ am Bayerischen Platz in Berlin, 15.10.1969, S. 4; „Sonntagsspiegel“, November 1969.

⁵) Из письма архиепископа Ермогена Патриарху от 20.2.1968 г. «Вестник Русского Студенческого Христианского Движения», Париж, 1968, № 87—88, стр. 11.

⁶) ЖМП, 1960, № 2, стр. 27.

⁷) Из упомянутого письма архиепископа Ермогена; Вестник РСХД (цитир. источник).

⁸) Вестник РСХД (цитир. источник).

имеющего большие заслуги перед Церковью. Своим постановлением от 15-го сентября 1960 г. она «освободила» его от управления Ташкентской епархией, предоставив ему «отпуск»⁹⁾.

Только в 1962 г. архиепископ получил назначение на епархиальную работу. Он не был возвращен в Ташкент, где так много и успешно трудился, но был направлен на вдовствующую Омскую кафедру¹⁰⁾. В 1963 г., в связи с празднованием патриаршего юбилея, он, наряду с другими архиереями, получил очередную награду — право ношения креста на клобуке. Этим жестом Патриархия тогда еще выражала ему свое благоволение.

В Омске, однако, без «осложнений» тоже не обошлось. Староста одного незаконно закрытого храма осмелился послать от себя жалобу на имя Н. Хрущева. Дело кончилось судом над старостой. На судебное заседание, в качестве свидетеля, вызывали местного архиерея. Как выступал на суде архиепископ Ермоген — неизвестно, однако, можно быть уверенным, что он представлял интересы Церкви. В результате — снова жалоба на него в Патриархию и устранение его архиепископа от епархиальной работы в Омске.

29-го мая 1963 г. постановлением Патриархии он был назначен архиепископом Калужским и Боровским. Здесь его служение проходило при двух уполномоченных. При первом, В. А. Смолине, «осложнений» не было, так как, по словам архиепископа, уполномоченный не превышал своих прав, в своих требованиях к нему придерживался основного советского законодательства о культах. При втором уполномоченном, Ф. П. Рябове, когда законность стала, по словам архиепископа, подменяться «целесообразностью» или «усмотрением», отчего роль правящего архиерея должна была сводиться лишь к оформлению им указов о назначении или увольнении священнослужителей, производившихся по соображениям уполномоченного — архиепископ мириться с этим не мог. Так, например, при его энергии и мужестве, ему удалось обжаловать и восстановить на приходской работе протоиерея и благочинного Н. Витуна из г. Людиново, «снятого с регистрации», т. е. устраненного от священнослужения советским уполномоченным. Этим был сильно подорван авторитет последнего, жалобы на архиепископа снова стали поступать в Патриархию. Когда, к тому же, летом 1965 г., архиепископ возглавил делегацию восьми архиереев, просивших Патриарха об отмене решений собора епископов (1961 г.), которыми, фактически, была подорвана епархиальная и приходская жизнь Церкви в стране¹¹⁾, — судьба архиепископа была решена. Председатель Совета по делам Русской Православной Церкви В. Куроедов потребовал от Патриарха устранения архиепископа Ермогена с епархиальной работы, что и было Патриархией произведено. 25-го ноября 1965 г. архиепископ был отстранен от управления Калужской епархией и «уволен на покой», с обещанием, как выяснилось впоследствии, предоставить ему в будущем вакантную епархию.

С этого времени и по сей день архиепископ находится в Жировичском монастыре (Белорусская ССР). По имеющимся за границей сведениям, его в октябре 1966 г. вызывали в Патриархию в связи с распространенным в СССР и за границей «Открытым письмом» московских священников Н. Эшлимана и Г. Якунина, направленным ими Патриарху и членам правительства. В Патриархии требовали от архиепископа подписи под декларацией, осуждав-

шей выступление священников. Архиепископ своей подписи не дал.

Находясь в Жировичах, он трижды письменно напоминал Патриарху о предоставлении ему, согласно обещанию, вакантной епархии. За границей известен текст только одного такого его письма, отосланного Патриарху 25-го ноября 1967 г. В письме архиепископ указывает, что за истекшие годы многократно освобождались архиерейские кафедры; что, поскольку ему таковой не предоставляют, длительное пребывание его «на покое» тем самым приобретает характер лишения его епархиальной работы вообще, что, согласно церковным канонам, возможно только по приговору церковного суда, для которого у Патриарха по отношению к нему (архиепископу Ермогену) не было оснований.

Канонические правонарушения в отношении архиепископа со стороны московской иерархии беспокоят его не по личным побуждениям. Как и в день своего наречения, так и сегодня архиепископ является приверженцем строгих правовых основ Церкви. В его «историко-канонической и юридической справке», составленной им к 50-летию восстановления русского патриаршества¹²⁾ (справка не была опубликована в официальной церковной печати в СССР), он, как и московские священники в «Открытом письме», выражал беспокойство по поводу «попустительства беззаконию» со стороны иерархии Московской Патриархии, способствующего развалу внешней организации Православной Церкви в СССР.

На письмо-прошение архиепископа от 25 февраля 1967 года, канцелярия Московской Патриархии ответила архиепископу крайне резкой по содержанию «резолюцией Патриарха», подписанной управляющим делами Патриархии, архиепископом Алексием (Редигером). В резолюции «извещается» о том, что, если и были вакантные архиерейские кафедры, то они представлялись «более подходящим» кандидатам; что архиепископ причинил Патриархии много хлопот постоянными «осложнениями» с местными советскими властями, возникавшими по месту его епархиальной работы (Ташкент, Омск, Калуга). Выражалось порицание по поводу того, что даже пребывание архиепископа «на покое» «смущает церковную общественность», из чего Патриархия заключает, что архиепископ кому-то выражает свои неудовольствия пребыванием в монастыре и что все это, вместе взятое, не дает надежд на его «исправление»...¹³⁾

На эту резолюцию архиепископ долгое время не считал нужным отвечать. Однако, 20-го февраля 1968 г. он все же снова направил Патриарху письмо, возможно, найдя нужным оставить документ в архивах Патриархии. В этом письме архиепископ повторил принципиальные установки, которыми руководствовался при вступлении на путь архипастырского служения, напомнил Патриарху лестные оценки его (архиепископа) деятельности в Ташкенте и выразил смущение по поводу неканонических порядков, которые культивируются в нынешней Патриархии и беспокойство по поводу отсутствия забот со стороны Патриарха об устранении таковых¹⁴⁾.

*

При современном составе патриаршего управления в СССР трудно надеяться на возвращение архиепископа Ермогена на епархиальную работу. Жизненный путь архиепископа, его церковная деятельность и решения о нем со стороны нынешнего руководства Московской Патриархии как нельзя лучше демонстрируют подлинное положение Церкви в СССР. Устранение наиболее ревностных, честных и преданных Церкви архиереев там часто происходит по постановлению Патриарха и Синода, со стерео-

⁹⁾ ЖМП, 1960, №10, стр. 4.

¹⁰⁾ ЖМП, 1962, № 7, стр. 36.

¹¹⁾ А. Боголепов, Правовое положение Русской Православной Церкви; сборник Русская Православная Церковь в СССР, Мюнхен, 1962; Архиепископ Ермоген, К 50-летию восстановления патриаршества. Историко-каноническая и юридическая справка, Вестник РСХД, 1967, №86, стр. 79—80.

¹²⁾ Вестник РСХД, 1967, № 86, стр. 66.

¹³⁾ Вестник РСХД, 1968, № 87—88, стр. 89.

¹⁴⁾ Вестник РСХД, цитир. издание, стр. 14.

типной формулировкой «на покой». По существу это, в значительной части случаев, то же устранение неугодных режиму людей, которое всегда практиковалось и продолжает практиковаться в тоталитарной системе Советского Союза. По отношению к рядовым гражданам это производят специальные государственные органы, в отношении православных духовных лиц это осуществляется при помощи указов руководства Московской Патриархии (случай митрополита Крутицкого и Коломенского Николая (Ярушевича), митрополита Мануила (Лемешевского), московских священников Н. Эшлимана и Г. Якунина и др.).

Архиепископ Ермоген изолирован от церковной общности в монастыре. Имя его не упоминается даже тогда, когда, желая вызвать у иностранных туристов восхищение «процветанием Православной Церкви в СССР» — им демонстрируют построенный архиепископом собор¹⁵⁾. Несмотря на это, личность и судьба архиепископа, как одно-

15) „Der Heilbronnen“, цитир. издание.

го из выдающихся пастырей в условиях советской современности, постоянно в поле зрения верующих людей. Имя его, как известно, с исключительной оценкой его деятельности, на все времена зафиксировано в важнейшем церковном документе, упомянутом «Открытом письме» московских священников. Несправедливость по отношению к нему со стороны Патриархии не случайно «смущает церковную общественность». Если она бессильна помочь ему в СССР, то она оказалась достаточно активной для того, чтобы переслать в церковные архивы за границу доступные ей о нем материалы, его письма и другие цитируемые в данной работе документы.

Даже в том случае, если архиепископ, обвиненный Патриархией и в «строптивом нраве» и в «непокорности Патриарху», кончит свою жизнь в церковной опале, собрание сведений о нем составит одну из ярких страниц церковной истории, изучая которую будущие исследователи смогут понять специфику условий, в которых находилась Русская Православная Церковь в Советском Союзе.

Болит. «Психическая энергия. Философская тетрадь». Париж, 1967, 186 ст.

Книга Болита написана живым языком, она оригинальна по мыслям. Ценность ее в доказательстве от противного, в том, что она показывает, как дальнейшее углубление в тезисы самого диалектического материализма приводит к совершенно неожиданным выводам. Особенно искусно и убедительно этот метод применен во второй части, в «Философских тетрадях», где молодой коммунист, исходя из диалектического материализма, приходит к признанию Мирового Духа. «Но такой, отделившейся от остальной Вселенной и командующий материей Бог мог бы, конечно, и переделывать Вселенную как ему угодно. А так как он вечен, то мог бы быть и ее создателем... то есть создателем не одной Земли, но того или иного содержания Вселенной, а ее самой в целом? Ну, пусть это бездоказательно, но уж во всяком случае он не мог бы быть просто «отражением» материи!.. Ведь вот же наваждение. Ведь это выходит уже не пантеизм, а почти что настоящий теизм!» (стр. 151). Так настоящий последователь диалектического материализма приходит «почти что к теизму», применяя последовательно принципы диалектики и путаницу самих марксистов в вопросе «базиса» и «надстройки», которая являясь «отражением базиса» тем не менее, оказывается вдруг способна весьма активно влиять на базис! Это утверждают сами же марксисты!

Но поскольку многие тезисы книги Болита оригинальны, они же и спорны. Если б были бесспорны, то, очевидно, не были бы оригинальными. Поэтому автор не посетует на нас за то, что мы поставим несколько вопросительных знаков, а кое с чем и поспорим. Это-то как раз и показывает, что мы книгу приняли всерьез, если б мы отнеслись к ней несерьезно, то не стоило бы и разбирать ее подробно.

Начнем с того, что нам кажется бесспорным: это указание автора на двойственное определение материи марксистами. С одной стороны они, следуя жившим в 19 столетии Марксу и Энгельсу, почти во всех своих рассуждениях употребляют понятие «материя» в узком смысле, т. е., как правильно пишет Болит, в смысле «вещество». С другой стороны Ленин, своим определением материи в философском смысле просто как объективной реальности, собственно говоря, вышел из рамок материализма и вступил на почву реализма. Но попробовав ускользнуть путем этого своего определения от физиков «дематериализующих» материю, он сам же и в той же самой своей книге «Материализм и эмпириокритицизм» продолжает употреблять понятие «материя» в смысле «вещество». Критика диамата, данная автором, вдумчива и верна.

Труднее становится соглашаться, когда мы переходим к тезисам автора о психической энергии. Нечего возражать против методологического подхода, состоящего в том, чтобы до известной границы стать на точку зрения последовательного материалиста-мониста, не отступающего от определения, данного Лениным материи, а именно определения ее только как объективной реальности, поймать, так сказать, Ленина на слове. Тогда под это определение материи подойдет вся реальность, в том числе и психическая. Но тогда нелепым становится утверждение, что материя первична, а психика и сознание вторичны. При последнем утверждении марксисты снова ловко, как фокусники, подменяют более широкое понятие материи узким понятием материи-вещества. Но утверждение, что вещество первично, а сознание вторично, совсем нелепо.

Итак, и против этого метода автора и против самой психической энергии возражать не приходится. Но трудно согласиться со сведением духовного

исключительно на психическое. В начале второй главы автор говорит, что поскольку слово «дух» широко и неопределенно, то автор будет пользоваться понятием «психический». Для начала и как метод для постепенного преодоления материализма-вещевизма это хорошо, но потом создается впечатление, что автор сводит широкое понятие «духа» к его части, к узкому понятию «психического», «психической энергии». Трудно согласиться, что мышление, разум — всего лишь проявления психической энергии, а не духа. Но если автор просто предлагает другую терминологию и под «психической энергией» подразумевает «дух», то неясно, для чего нужна эта новая терминология. К тому же она может ввести в заблуждение, т. к. психические явления и психическая энергия существуют, но не совпадают полностью с духовными явлениями и духом. Здесь хотелось бы получить от автора дополнительные разъяснения.

Неясно также, какого понятия о Боге придерживается сам автор, пантеистического или же признания Бога как Творца, личного Бога. Иными словами, является ли по мнению автора вселенная творением Бога или же она сама — бог. Создается впечатление, что автору эти понятия представляются тождественными, тогда как на самом деле они совсем не тождественны.

Отсюда вытекает и отношение автора к времени и пространству. На странице 40 автор признает себя сторонником абсолютного и бесконечного пространства как атрибута Вселенной (с большой буквы) и обещает говорить еще о роли пространства. Однако, мы не нашли больше ничего об этом вопросе, только кое-что о проблеме вакуума. Но нам представляется, что не проблема вакуума является решающей для признания или непризнания абсолютного, бесконечного пространства и времени, а то, признается ли

существование надвселенного Бога-Творца или нет. Конечно, пространство и время — атрибуты Вселенной. Но если вселенная — творение, а тем самым сама не абсолютна и не бесконечна, так же и не вечна, то и ее атрибуты, пространство и время, не абсолютны и не бесконечны. Они внутрисистемны, а не надсистемны и входят целиком в ограниченную систему вселенной-творения. Если же вселенная — бог, то она сама абсолютна и бесконечна или вечна, а так же и ее атрибуты — пространство и время. Надо сначала решить вопрос о пантеизме или Боге-Творце, тогда решатся сами собой вопросы о пространстве и времени. Мы верим в Бога-Творца и считаем вселенную творением, а не богом.

Не точным представляется и употребление автором терминов «детерминизм» и «индетерминизм». Мы возражаем против отождествления индетерминизма с беспричинностью. Мы также отклоняем психический детерминизм Фрейда. Мы скорее согласны с Лосским, который пишет, что человек свободен и от своего собственного характера. Мы, однако, согласны с автором, что беспричинных явлений не бывает, но мы считаем, что свободное решение человека само по себе может быть причиной, не будучи преддетерминировано ни материально, ни психически. Детерминизм, будь то материалистический, будь то психический, утверждает наличие закономерностей, детерминирующих и преддетерминирующих действия человека, независимо от его воли. Мы же усматриваем лишь наличие таких закономерностей, материальных и психических, которые стоят под знаком «если»: если я поступлю так-то и так-то, то следствием моего поступка будет то и то. Следствия я не могу отвратить, но я совсем не обязан поступать так-то и так-то, и ничто меня к этому поступку не детерминирует. Свобода человека заключается в данной ему возможности начинать причинные цепи. Это не беспричинность, но это индетерминизм. Однако, может быть, Болит и я говорим по-существу об одном и том же, только у нас разная терминология.

Так или иначе, можно посоветовать каждому прочесть эту интересную книгу, вызывающую на размышления и... возражения.

В. Пирожкова

Жизнеописание и творения блаженнейшего Антония, Митрополита Киевского и Галицкого. 17 томов, 8°, 1956—1969, всего 5554 страниц, Нью-Йорк.

Первые 10 томов этой серии представляют собой подробнейшее жизнеописание Митрополита Антония (1863—1936), составленное Архиепископом

Флоридским Никоном (Рклицким), бывшим в течение многих лет, в Югославии, личным секретарем Митрополита Антония и одним из наиболее близко к нему стоявших людей. В это жизнеописание входит также и описание той эпохи, в которой развивалась ученая и церковно-общественная деятельность этого выдающегося богослова и иерарха, в том числе и история Всероссийского Собора 1917 г., возникновение и бытие Зарубежной церкви, руководимой Митрополитом Антонием. Как известно, Митрополит Антоний (Храповицкий) был одним из немногих архиереев, имевших ученую степень доктора богословия, полученную им еще во времена Императорской России. В те времена, для получения этой ученой степени, академиями предъявлялись чрезвычайно высокие требования, вследствие чего в России доктора богословия не были многочисленны. На Всероссийском Соборе 1917 г. Митрополит Антоний был первым из трех кандидатов на патриаршество, однако жребий пал на тогдашнего Митрополита Московского Тихона.

Жизнеописание это не является только биографией; его можно в значительной степени рассматривать и как историю целой эпохи в бытии Русской Православной Церкви, как исторический материал высокой ценности. Томы 1—4 охватывают время от рождения Митрополита Антония до 1920 г., его ученую богословскую деятельность (последовательно — ректор всех четырех Духовных Академий в России), архипастырское служение на Уфимской, Волынской, Харьковской и Киевской кафедрах; 5, 6 и 7 томы посвящены деятельности Митрополита Антония в эмиграции, в положении первоиерарха Русской Зарубежной Церкви; томы 8 и 9 содержат некоторые богословские труды Митрополита, написанные им в эмиграции, и, наконец, 10-й том — различные статьи и распоряжения общецерковного характера и описание последних лет жизни этого выдающегося иерарха. В главе «Тайна личности Митрополита Антония и его значение для православного славянства» подводится итог всему жизненному пути и всей деятельности Митрополита.

Вторую часть издания, томы 11—17, составляет собрание творений Митрополита Антония, заботливо собранных из разных (в том числе и из дореволюционных) изданий (напр., из «Полного собрания сочинений Архиепископа Антония (Храповицкого)», Петербург, 1911 г.) издателем, Архиепископом Никоном, и теперь вновь изданных под его редакцией. Томы 11, 12, 13 и 14 представляют собою отдельные богословские монографии, в том числе содержат и магистерскую диссертацию: «Психологические данные в пользу свободы воли и нравственной ответст-

венности», защищенную ее автором 21 декабря 1887 г. в Петербургской Духовной Академии — каковой диссертацией и кончается вся эта — смело скажем — монументальная серия томов.

Не говоря уже о значении жизнеописания Митрополита Антония (Храповицкого), полное издание его литературных трудов представляет собой чрезвычайно ценный вклад в русскую науку, в своем роде единственный и по объему, и по ценности, — по крайней мере за последние 50 лет. В особенности же это издание приобретает значение теперь, при скудности русской ученой богословской литературы со времени прекращения выхода в свет таких изданий после 1917 года.

Издание это ценно не только для богослова, но и для каждого, кто не чужд вопросам русской духовной культуры вообще, истории Русской Церкви конца Синодального периода в России и бытия Русской Церкви за рубежом.

Цена отдельных томов колеблется (в зависимости от объема данного тома) от 2,50 долларов до 5,00 долл., всех 17-ти томов — 58,50 долларов. Выписывать следует из Епархиального книжного склада в Нью-Йорке:

Diocesan Publishing House, 1841 Bathgate Ave. New York, N. Y. 10457. U.S.A.

И. Г.

НАСЛЕДИЕ. Сборник посвященный вопросам церковного искусства. Выпуск второй, 1969 г. Славянская типография (Slavonic Press, P. O. Box 29, Southburg, Conn. 06488, U. S. A.). 16°, 40 стр., 10 таблиц (две из них в красках).

Как и первый выпуск (см. «Зарубежье» № 4 (20) за 1968 г.), недавно вышедший второй выпуск посвящен главным образом иконоведению. Содержание выпуска: окончание статьи М. А. Оболенского: «Мистика иконы», «Иконография Воскресения Христова» свящ. Д. Александрова; обе статьи с прекрасными иллюстрациями. Не о иконе трактует статья И. А. Гарднера: «Кому принадлежит мелодия «Достойно» распева царя Феодора», с нотным примером в т. н. квадратной или «синодальной» нотации. Интересен духовный стих (не литургический) «На Воскресение Христово», приведенный на нотах (тоже квадратных). В конце — краткая хроника и небольшая, анонимная, но очень дельно написанная статья с объяснением квадратных нот.

Издан выпуск этого прекрасного альманаха (назовем так этот неперiodически выходящий журнал) очень красиво, изящным шрифтом и на отличной бумаге, и производит как по внешности, так особенно и по содержанию, самое лучшее впечатление.

Цена выпуска — 1,50 ам. долл.

В. С.

Х Р О Н И К А

ЗАРУБЕЖНОЙ ЖИЗНИ

Архиерейский Синод Русской Православной Церкви за границей утвердил десять специальных комиссий и секретариат с задачей подготовить III Всезарубежный Церковный Собор, намеченный на 1971 г.:

1. Организационная и по составлению наказа — Архиеп. Никон и Еп. Лавр.

2. Комиссия для доклада о внутреннем положении и духовном укреплении Русской Православной Церкви за границей и о духовном состоянии русских людей в рассеянии сущих — Архиеп. Антоний Сан-Францисский;

3. Комиссия по вопросу о положении Русской Православной Церкви за границей в современном мире, ее идеологии, ее взаимоотношения с прочими поместными Православными Церквями и с инославным миром — Архиепископ Аверкий.

4. Комиссия по изучению положения Церкви в Советской России и других коммунистических странах и о духовном состоянии русского народа и других народов, поработанных безбожниками — Архиеп. Антоний Женевский.

5. Комиссия по вопросу о церковном и религиозном воспитании молодежи — Епископ Нектарий;

6. Комиссия по составлению посланий и обращений от Собора — Архиепископ Антоний Лос-Анджелесский и Архиеп. Антоний Женевский.

7. Комиссия по вопросу о пополнении клира, о монастырях и монашестве — Архиепископ Виталий;

8. Комиссия по вопросу о просветительной и общественной деятельности Церкви, а также и о миссионерской деятельности — Архиепископ Серафим Чикагский;

9. Финансовая Комиссия — председатель Еп. Андрей; члены: кн. Вагратион-Мухранский, кн. С. С. Белосельский-Белозерский, С. Н. Ряснянский, С. Я. Семеновко;

10. Секретариат Предсоборной Комиссии — Епископ Лавр и С. Л. Войцеховский.

★

10 и 11 декабря в Сан-Франциско состоялось епархиальное собрание духовенства и мирян Сан-Францисской и Западно-Американской епархий Американской митрополии. Председательствовал епископ Димитрий Берклийский. Первый день был посвящен финансовым вопросам и вопросу автокефалии. Был утвержден новый бюджет в сумме 11.800 долларов. Заседание второго дня было посвящено школьному вопросу, воспитанию молодежи, докладам с мест и выборам в епархиальное собрание. От духовенства были избраны: прот. Д. Гизетти, прот. С. Глаголев, прот. Н. Верглас, священник Л. Кишковский, прот. Л. Касперский; от мирян: Е. Гиза, Г. Будаев, И. Воронцов-Дашков, П. Распопов, Г. Кондратьев. В ревизионную комиссию: прот. А. Рубановский, прот. Б. Семенов, А. Еремин. В духовный суд: архимандрит Димитрий, митрофорный прот. М. Соколов и П. Распопов.

★

Ко дню престольного праздника храма св.-Покровского прихода в Лос-Анджелесе (США) была закончена большая часть ремонтных работ: были покрашены снаружи как храм, так и церковный дом, починена крыша, расширен въезд для автомобильной стоянки при церкви.

«Совершая Октябрьскую революцию, рабочий класс надеялся достичь своего раскрепощения. В результате же создалась еще большее порабощение личности человека. Власть полицейско-жандармского монархизма перешла в руки захватчиков-коммунистов, которые трудящимся, вместо свободы, преподнесли ежеминутный страх попасть в застенки чрезвычайки, во много раз своими ужасами превзошедшей жандармское управление царского режима. Штыки, пули и грубый окрик опричников из чека, вот что после многочисленной борьбы и страданий приобрел труженик Советской России. Славный герб трудового государства — серп и молот — коммунистическая власть на деле подменила штыком и решеткой ради сохранения спокойной, беспечальной жизни новой бюрократии, коммунистических комиссаров и чиновников.

Рабочих при помощи казенных профессиональных союзов прикрепили к станкам, сделав труд не радостью, а новым рабством. На протесты крестьян, выращивающиеся в стихийных восстаниях, и рабочих, вынужденных са-

мой обстановкой жизни к забастовкам, они отвечают массовыми расстрелами и кровожадностью, которой им не занимать статью от царских генералов... Все резче и резче вырисовывалось, а теперь стало очевидным, что РКП не является защитницей трудящихся, каковой она себя выставляла, ей чужды интересы трудового народа, и добравшись до власти, она боится лишь потерять ее, а потому дозволена все средства: клевета, насилие, обман, убийство, месть семьям пострадавших».

Отрывок из статьи «За что мы боремся», напечатанной 8 марта 1921 года в «Известиях временного революционного комитета матросов, красноармейцев и рабочих гор. Кронштадта».

◆

Шолохов на III съезде колхозников, состоявшемся в ноябре 69 г. в Москве, сравнил Солженицына «с поедающими советский хлеб колорадскими жуками», добавил, что «советские писатели очень хотят от них избавиться».

14 сентября 1969 г. владыка митрополит Филарет и владыка Нектарий в сослужении всех приезжих священнослужителей и настоятеля св.-Покровского храма о. Василия Еремина отслужили Божественную литургию. На следующий день владыка митрополит осмотрел новый дом, приобретенный Благотворительным Фондом имени св. о. Иоанна Кронштадтского для устройства старческого дома.

★

16 ноября в городе Торонто (Канада) состоялось торжественное освящение собора. Службу совершили архиепископ Монреальский и Канадский и епископ Павел Штуттгартский, в сослужении многих священников. На этом торжестве было много гостей из Монреаля, Оттавы, Лондона, Гамильтона и других городов Канады и Соединенных Штатов.

★

40-летие храма св. Николая Чудотворца в Стретфорде (США) было отмечено торжественным архиерейским богослужением, которое возглавил архиепископ Сильвестр Монреальский и Канадский, в сослужении епископа Иоасафа Эдмонтского, настоятеля храма прот. Ильи Адамова и окружного духовенства.

★

В Париже состоялся вечер, посвященный Блоку. Вечер этот, устроенный Союзом русских писателей и журналистов, открылся воспоминаниями председателя Союза Б. К. Зайцева о Блоке. Кроме этого выступали — Никита Струве, профессор П. Е. Ковалевский, говоривший главным образом о поэме Блока «Возмездие», и художник Юрий Анненков, рассказавший о своих встречах с поэтом. В заключение Бэлла Рейн, А. А. Горская и И. И. Туроверова читали стихи Блока.

★

В Париже, в Русской консерватории имени Рахманинова, состоялся вечер, посвященный 150-летию со дня рождения Ивана Сергеевича Тургенева. Председательствовал писатель Борис Зайцев, выступивший с необыкновенно интересным и глубоким словом. Затем выступал поэт и литературный критик Георгий Адамович. Затем г-жа Туроверова прочла два стихотворения из «Нови», а Вера Греч — главу из «Дворянского гнезда», посвященную Лизе Калитиной и ее няне. А. Гурейкин прочел отрывок из «Бежины луга». П. Ковалевский ознакомил присутствовавших со своим архивом — портретами Тургенева и его неизданными письмами. Вечер памяти большого русского писателя собрал полный зал.

★

Осенний концерт Литературного фонда состоялся 18 октября 69 г. в Лос-Анджелесе (США).

★

12 октября 69 г. в «Нашем Театре» в Лос-Анджелесе (США) была поставлена пьеса «Барышня с фиалками» Щепкина-Куперника. В главных ролях выступили: Тамара Лауб, З. Шлякис, М. Светлова, Козлова, Бехтерева, А. Кирсанов, С. Гончаров, Зверев и др.

★

Общество «Русский Сокол» устроило 23 ноября 69 г. в Лос-Анджелесе (США) детский костюмированный бал.

★

4 января 70 г. в редакции «Нового Русского Слова» в Нью-Йорке «Литератур-

ный Фонд» устроил «Вечер русского народного творчества». Среди участников необходимо отметить: Варвару Королеву, С. Мовчан-Блинова, В. Митрохина, Ивана Елагина, К. Векова, И. Ковалевскую, Е. Марковскую, И. Гончарову, И. Конен и Э. Зубкович.

*

23 ноября, по случаю исполнившегося столетия со дня смерти композитора А. С. Даргомыжского, в Мельбурне (Австралия) состоялся концерт. В первом отделении выступил «Русский мужской хор Сиднея» с классическими и народными музыкальными произведениями. Во втором отделении с романсами и песнями Даргомыжского выступили певцы: Г. С. Антипов, В. А. Бржозовская, С. С. Камова, Е. Н. Кобелева, В. М. Лаптев, В. В. Одарская, Л. И. Пашенко, А. И. Фомина и Г. Т. Чернышев. У рояля — Л. Н. Сарычева. В третьем отделении был поставлен финал 1 действия оперы «Русалка» при участии В. В. Одарской, в роли Наташи, и В. М. Лаптева, в роли мельника.

*

В память 25-летия опубликования Пражского манифеста 7 декабря 69 г. в Ричмонде, Мэн (США) в храме св. Александра Невского была отслужена панихида по ген. А. А. Власову и его соратникам.

*

Построенный в Руане (Франция), благодаря сотрудничеству „Secours Catholique“ и «Толстовского Фонда», Русский Дом был 16 декабря 69 г. официально представлен местным французским властям. На торжестве была показана выставка изделий пансионеров «Русского Дома». Почетными гостями были графиня Татьяна Толстая и мэр города Руана г-н Лекарноз.

*

В связи с исполнившимся 200-летием со дня рождения баснописца Ивана Андреевича Крылова, студия Марии Стефани провела 16 ноября большой концерт-спектакль в помещении Копин Холл в Мельбурне (Австралия). В программе: доклад А. А. Федоровича — творчество И. А. Крылова, басни Крылова, лирические песни И. А. Крылова и комедия «Урок дочкам» И. А. Крылова.

*

Как сообщает выходящая в Австралии русская газета «Единение», в субботу, 18 октября состоялся отчетный концерт учеников музыкально-вокальной студии пианистки Л. Раменской. Выступления молодых пианистов и певцов оставили хорошее впечатление. В программу были включены произведения композиторов: Брамса, Шопена, Римского-Корсакова, Глинки.

*

Недавно исполнилось тридцать лет со дня основания Александром Кутиным балладно-симфонического оркестра — тридцать лет служения русскому национальному искусству в нерусской атмосфере. 6 декабря в Таун Холл (США) состоялся юбилейный концерт оркестра. Концертный зал Таун Холла был полон, причем эмигранты составляли только половину публики, собравшейся отметить юбилей. Программа концерта была обширной, интересной и разнообразной. Как отмечает корреспондент «Нового русского слова», Александр Кутин в течение тридцати лет устраивал встречи

оторванной от России аудитории с русской национальной музыкой и, кроме того, много сделал в плане подготовки нерусской аудитории к восприятию и пониманию русской музыки.

*

16 октября в церковном зале при кафедральном соборе св. св. апостолов Петра и Павла в Монреале состоялась интересная литературная встреча с писательницей и поэтессой Ириной Одоевцевой. Ирина Одоевцева посвятила свой литературный вечер прозе, стихам и воспоминаниям, вошедшим в ее книги: «На берегах Невы» и «На берегах Сены».

*

В газете «Русская Мысль», издающейся в Париже, в номере от 12 февраля текущего года помещен комментарий известного публициста Кирилла Померанцева о только что закрывшемся XIX съезде французской коммунистической партии. Говоря о том, как приветствовалась съездом советская делегация, как представительница самой передовой и самой демократической страны в мире, он недоуменно вопрошает: «Как случилось, что люди, которым не грозят ни полицейские преследования, ни суды, ни лагеря, как автоматы, в течение пяти дней, повторяли заведомую ложь и аплодировали заведомой лжи? Как это вышло, что граждане свободолубивых стран Запада вели себя, как рабы? И все это в конце двадцатого века во Франции, в стране, двести лет боровшейся за свободу, за права человека быть человеком и не подчиняться диктатам и диктатурам!»

*

В одной из передовиц газеты «Русская мысль» приводится краткий обзор итогов практической деятельности адептов марксизма-ленинизма. Вот отдельные фрагменты из этого обзора:

«Трудно найти учение, которое в исторической практике больше опровергало бы самое себя, чем марксизм. Объявив пролетариат мессией, несущим миру не только новую — справедливую — экономическую структуру, но и новую культуру — победивший марксизм, став диктатурой над пролетариатом, уже полвека питается исключительно реквизируемой буржуазной культурой и от себя (или из себя) не создал решительно ничего.

Большой Театр не привез в Париж ни одной «марксо-ленинской» оперы и даже ни одного ее собственного революционного «диалектически-марксистского» оформления и толкования.

Те советские писатели и художники, которые — по мировому признанию — достигают высокого, достойного большого русского искусства, уровня — запрещены или полудозволены, в Советском Союзе.

Вся масса марксо-ленинских научных институтов страны за все полвека не высидела ни одной философской, социальной, экономической работы, способной задеть внимание соответствующих специалистов Запада.

Однако, еще разительнее историческая никчемность марксизма сказалась в области экономической, то есть в фундаментальной «базе» всех его «надстроек». За полвека «шестивка к коммунизму», с безумным расходом средств и возможностей и самым нещадным — «вещным» — использованием человека — марксизм не мог наладить хозяйства до — пусть даже не слишком богатого, но бесперебойного — обслуживания населения».

*

Издающийся в Торонто литературный журнал «Современник» сообщает на основании официальных статистических данных, что в Канаде по данным последней переписи проживало 119.168 человек, называющих себя русскими. В это число входят и 13.000 духоборов.

Две трети русских канадцев живут в городах. Они равномерно распределены по всем провинциям страны, за исключением так называемых морских или Атлантических провинций, где русских только 1.200 человек.

В провинции Онтарио русских 14.000, из них почти половина в городе Торонто; столько же русских в провинции Квебек, причем почти все живут в Монреале; в Британской Колумбии их 27.000; в провинции Саскачеван — более 22.000, в провинции Альберта — 18.000, в провинции Манитоба — около 8.000, из которых большая часть в городе Вашингтоне.

Из 13.234 канадских духоборов 9.006 живут в Британской Колумбии и 3.202 в Саскачеване; остальные распределены по другим провинциям небольшими группами, причем в восточной Канаде их почти нет.

*

Газета «Русская Мысль» сообщает о русской молодой труппе на французской сцене. Усилиями Маши Щербаковой была организована группа русской молодежи, которая с конца февраля выступает со спектаклем «Квадратура круга» на французском языке.

*

В первой половине февраля текущего года в Париже состоялся концерт учеников консерватории имени С. В. Рахманинова. Известный профессор фортепианного класса, Е. Савицкая, представила своих учениц, из которых надо отметить уже почти законченную пианистку Таню Сибера, блестяще исполнявшую произведения Бетховена. Кроме учеников-пианистов, выступали также ученики виолончельного и вокального классов. Все выступавшие показали превосходную школу.

*

В ноябре в Свято-Сергиевской гимназии в Нью-Йорке был устроен ученический концерт. Выступал хор, исполнявший русские песни, затем струнный оркестр под управлением преподавателя музыки Б. М. Ледковского. Юные участники и известный всему русскому Нью-Йорку музыковед Б. М. Ледковский были награждены орденами. Зал был наполнен, кроме школьной молодежи и их родителей, гостями, пришедшими послушать концерт учеников гимназии.

*

7 декабря в Церковно-приходской школе в Мельбурне состоялся акт по случаю окончания учебного года. Инспектор школы Л. С. Апанасевич в своем выступлении обрисовал жизнь школы за истекший год, указав общее число учащихся, составившее к концу года 108 человек (55 мальчиков и 53 девочек). Многие дети окончили учебный год с наградами. После окончания торжественного акта началось концертное отделение силами учеников школы. Корреспондент австралийской газеты «Единение» с удовольствием отмечает хороший русский язык и прекрасную дикцию выступавших детей.

*

В Лионе (Франция), в городском музее была устроена выставка картин Наталии Гончаровой. Выставка открылась 5 де-

кабря прошлого года и продолжалась весь январь 1970. Картины ее были хорошо размещены в трех залах. Первый зал был исключительно посвящен макетам театральных постановок, в остальных — работы, охватывающие разные периоды ее творческой деятельности. Выставка прошла с редким успехом.

★

В середине февраля текущего года в Париже, в галерее Жан Шовелен была устроена выставка работ русского художника Владимира Баранова-Россине. На выставке показаны образцы всех формальных исканий Баранова-Россине. Зритель как бы проходит через всю эво-

Одна из задач «Зарубежья» как можно шире освещать жизнь, деятельность и творчество зарубежной России в целом.

Редакция обращается поэтому ко всем читателям журнала с просьбой присылать нам информационный материал о событиях из жизни эмиграции. С этой же просьбой редакция обращается и ко всем организациям, учреждениям и издательствам нашего российского рассеяния.

люцию живописного искусства за целое сорокалетие нашего века. По свидетельству художника Юрия Анненкова, это была одна из наиболее интересных выставок февраля 1970 года в Париже.

★

В феврале текущего года в Барселоне, в театре Барселона с большим успехом прошел ежегодный «Восьмой балетный Гала». В балетном спектакле участвовало шестнадцать балетных школ, в частности, — несколько школ классических танцев из Франции. Как и в прошлые годы, особенно была отмечена школа нашей соотечественницы Наталии Мирской.

★

В феврале с. г. художник Н. И. Исаев по заказу города Страсбурга (Франция) закончил роспись одной из страсбургских церквей, недавно выстроенной и находящейся в центральной части города Страсбурга. Предварительно комиссией Salon de l'Art Sacré города Страсбурга был организован конкурс проектов росписи этой церкви, на котором проект художника Исаева получил первое место. Роспись состоит из одиннадцати панно.

★

21 ноября в зале Гаво в Париже состоялась интересная конференция на тему «Человек и танец» при участии Сергея Лифаря (Grand Opéra) и актера Пьера Бертен (Comédie Française). В своем выступлении Сергей Лифарь проанализировал зарождение и развитие балетного искусства, указав на романтическую эпоху начала прошлого века, как на эпоху, имевшую огромное значение в развитии балетного искусства. В эту эпоху, как утверждает он — балетное искусство достигло высшей формы своего развития.

Это была конференция из цикла, организуемого «Университетом Анналов». Выступают на них писатели, художники, видные политические деятели, министры, академики. Разнообразие трактуемых тем вполне оправдывает репутацию этой «свободной трибуны элиты Франции». Конференция прошла с большим успехом и привлекла многочисленную публику театрального Парижа.

7 декабря 69 г. в одном из залов «Русского Дома» в Мельбурне (Австралия) открылась «Выставка русской зарубежной книги». Устроитель выставки Сергей Анатолиевич Зезин ознакомил посетителей с экспонатами выставки. Кроме книг многочисленных русских зарубежных издательств на выставке представлен и «Самиздат» из Советского Союза. Вход свободный.

★

Русский художник Георгий Парфеньевич Ястреб, проживающий в Сиднее (Австралия) подарил написанный им портрет мореплавателя и ученого капитана Кука «Комитету граждан Сиднея по празднованию 200-летия со дня открытия Австралии». Портрет выполнен масляными красками на белом бархате. Георгий Парфеньевич добился большого успеха в редкой технике живописи по бархату. Работы Г. П. были показаны в 1964 г. на выставке «Красота на бархате» во Флоренции (Италия) и в 1966 г. в Сиднее.

★

На выставке религиозного искусства в галерее Елицы в Нью-Йорке выставлены также и работы русского художника Николая Николенко, завоевавшего себе известность выдающегося реставратора и стилизатора мотивов древнерусской иконописи. Одновременно в галерее Северин выставлены картины Николенко, на которых преобладает пейзаж и пейзаж архитектурный.

★

В ноябре 1969 г. в Аделаиде (Австралия) была организована русскими художниками выставка репродукций с картин известных художников, а также иконописи и художественной вышивки. Репродукции картин русских художников XVIII, XIX и начала XX века были хорошо подобраны и прекрасно выполнены. Выставка была устроена в художественной галерее Миллер Андерсон и с большим успехом продолжалась две недели, что было отмечено местной австралийской прессой, телевидением и радио.

★

21—22 ноября в большом университете Миссури, в городе Колумбии, состоялась годичная славянская конференция американской организации по углублению изучения славянских академических знаний с участием русских специалистов. Как всегда, главное внимание было уделено русской истории и русской литературе, как классической, так и современной. Только одна сессия была посвящена Болгарии. Две сессии конференции в Колумбии были посвящены исключительно Солженицыну. В интересных и обстоятельных докладах молодых американских профессоров были такие знаменательные высказывания: «То, что показал Солженицын в своих главных произведениях с такой необыкновенной моральной силой и с таким художественным мастерством — вы никогда не найдете ни в одной литературе Запада». На политических и посвященных либерализму сессиях темпераментно выступал эрудит Канзасского университета, недавно туда поступивший профессор русской истории Сергей Утехин.

★

7 декабря в зале Дома Свободной России в Нью-Йорке состоялся концерт, организованный профессором Д. Н. Конради. В первом отделении молодые русские пианистки исполнили концерт соль-минор Мендельсона и второй концерт Сен-Санса. Партию второго рояля исполнял профессор Конради. Кроме того, были и

вокальные номера, среди которых нужно отметить молодого певца Никиту Розанова, прекрасно исполнившего арию Елецкого из «Пиковой дамы» по-русски, арию Тореадора из оперы «Кармен» по-французски и арию Фигаро из «Севильского цирюльника» по-итальянски.

★

В Нью-Йорк — после двухлетнего пребывания в Сан-Франциско — вернулся Е. Б. Дункель, художник и видный специалист по балетному оформлению балетных, оперных и театральных постановок. В Сан-Франциско с большим успехом прошли две выставки его пейзажей, жанровых сцен и проектов театральных декораций. Одна выставка состоялась в галерее Лебо, а другая — в Русском центре. Кроме того, Е. Б. Дункель много работал во Фриско-операхауз, участвуя в художественном оформлении «Богемы» и «Фауста». По возвращении в Нью-Йорк Е. Б. Дункель будет исполнять заказы для телевидения. Но главное свое внимание художник уделяет подготовке ретроспективной выставки своих работ в Нью-Йорке, где немалое место займут пейзажи, портреты и жанровые сцены разных периодов его творчества.

★

В начале текущего года исполнилось двадцать лет существования Русской библиотеки в Мюнхене. Дирекция библиотеки в течение многих лет устраивает лекции, доклады, спектакли, музыкальные вечера, киносеансы, елки для детей, приемы, встречи, заседания. Здесь читали лекции и доклады профессора Н. С. Арсеньев, В. В. Вейдле, Л. А. Зандер, В. П. Зубов, Г. М. Катков, А. А. Сван, писатели Б. К. Зайцев, Г. И. Газданов, С. Маковский и другие.

★

Ежегодная премия, учрежденная Сюзанной Бианкетти, была вручена в начале февраля текущего года нашей соотечественнице Людмиле Микаэль. Выдало ее жюри, состоящее из членов Общества авторов фильмов. Премию Людмила Микаэль получила за участие в нескольких фильмах и в фильме по телевидению «Смешанные воды» по роману Игора (отец этого автора — выходец из России). Молодая артистка Людмила Микаэль состоит в труппе Французской Комедии.

Редактирует коллегия
Редактор В. Сорокин

Секретарь редакции А. Желнин

Перепечатка разрешается,
но с указанием источника.

Адрес редакции:

SARUBESCHIE

8 München 86

Postfach 860327

Bundesrepublik Deutschland

Банковский счет № 30 / 90 246
Банк: Neuvians, Reuschel & Co.
8 München 80, Ismaningerstr. 98

Verantwortlich für den Inhalt
V. Sorokin

Druck: „Logos“, München 19, Bothmerstr. 14